

Ника Элвейн

Седьмая строка.

Всегда над тобой

Седьмая строка

Ника Элвейн

Седьмая строка

<https://litres.ru/74673877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть слова, которыми можно удерживать человека всю жизнь. Есть вещи, которые никто никогда не подарит, и есть те, что отдают последнее. Один вопрос звучит на двух языках: «Достойно?» и «Всегда над тобой».

Время не река, а ткань, где все нити лежат одновременно. Можно ли переписать то, что уже написано? Или каждая попытка спасти становится частью того, от чего спасаешь? Драмиона и Белламорт.

Шесть строк уже написаны. Остаётся седьмая.

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Зал Инея	9
Часть I. Пятый курс	13
Глава 2. Соперница	13
Глава 3. За закрытой дверью	16
Глава 4. Зеркало	20
Глава 5. Общая мечта	25
Глава 6. Слова, которые нельзя забрать	30
Зал Инея. II	38
Глава 7. Одержимость	39
Часть II. Шестой курс	45
Глава 8. Спор	45
Глава 9. Переход	49
Глава 10. Распределение	52
Глава 11. Подземелья	57
Глава 12. Заметить	61
Глава 13. Ночные мысли	68
Глава 14. По другую сторону подземелий	71
Глава 15. Расписание	76
Глава 16. Вечер у Слизнорта	83
Глава 17. Расстояние	95
Глава 18. Легенда	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ника Элвейн

Седьмая строка

Седьмая строка

Ника Элвейн

Оглавление

Пролог 4

Глава 1. Зал Инея 6

Часть I. Пятый курс 9

Глава 2. Соперница 10

Глава 3. За закрытой дверью 12

Глава 4. Зеркало 15

Глава 5. Общая мечта 19

Глава 6. Слова, которые нельзя забрать 23

Зал Инея. II 29

Глава 7. Одержимость 30

Часть II. Шестой курс 35

Глава 8. Спор 36

Глава 9. Переход 39

Глава 10. Распределение 41

Глава 11. Подземелья 45

Глава 12. Заметить 49

Глава 13. Ночные мысли 54

Глава 14. По другую сторону подземелий 57

Глава 15. Расписание 61

Глава 16. Вечер у Слизнорта 66

Глава 17. Расстояние 76

Глава 18. Легенда 83

Глава 19. Четверг 90

Глава 20. Идеальная ложь 97

Глава 21. Первая 104

Часть III. Бал 112

Глава 22. Святочный бал 113

Глава 23. Трещина 123

Глава 24. После музыки 129

Глава 25. То, что он слышал 137

Зал Инея. III 144

Часть IV. Возвращение 147

Глава 26. Чердак 148

Глава 27. Что она им сказала 156

Глава 28. Дом, где не задают вопросов 163

Глава 29. Остались двое 170

Глава 30. Всё, что мы натворили 174

Часть V. Откровения 182

Глава 31. Серебряные волосы 183

Глава 32. Ночь перед 190

Глава 33. Формальность 198

Зал Инея. IV 205

Глава 34. Утро перед 206

Глава 35. Единственная женщина 215

Часть VI. Падение 223

Глава 36. Четырнадцать лет 224

Глава 37. Я понимаю 228

Глава 38. Трон для него 244

Зал Инея. V 252

Глава 39. Приказ без подписи 253

Глава 40. Те, кого ищут 259

Глава 41. Звёздная нить 270

Часть VII. Петля 285

Глава 42. Третья глава 286

Глава 43. Ткань мгновения 298

Глава 44. Всегда над тобой 318

Глава 45. Зал Инея 326

Глава 46. Банка из-под печени 338

Эпилог 348

Глава 47. Лёгкость 349

Пролог

Человеческий разум никогда не умел мириться с тем, что дано. С самого начала — с первого крика, первого взгляда, первой мысли — он ищет трещину в стене неизбежного и пытается просунуть в неё пальцы. Ему говорят: это судьба. Он отвечает: покажите мне её лицо, и я найду способ его изменить.

Может быть, в этом и заключена главная человеческая дерзость — не в магии, не в оружии, не во власти над другими, а в отказе поверить, что будущее уже написано где-то без нашего участия. Мы называем это надеждой, когда нам удобно. Мы называем это гордыней, когда пытаемся судить чужие поступки. Но суть одна: живой ум не способен смотреть на закрытую дверь и не пытаться найти ключ.

И всё же — можем ли мы действительно что-то изменить? Или каждая попытка вмешаться в предначертанное — лишь ещё один узел в узоре, который был соткан задолго до того, как мы решили, что распускаем нити сами? Существует ли судьба вообще, или это просто имя, которое мы даём совокупности всех решений, принятых прежде нас, — своих и чужих, — сложившихся в русло, из которого, как нам кажется, нет выхода?

Волшебники и маги веками боялись разных вещей — смерти, тьмы, друг друга, — но лишь одну силу и те, и дру-

гие всегда пытались обуздать одинаково жадно и одинаково безуспешно. Не власть. Не бессмертие. Время.

Потому что время — это не просто то, что проходит. Это единственная сила, способная переписать не только то, что будет, но и то, что уже было; единственная величина, в которой прошлое, настоящее и грядущее перестают быть тремя разными комнатами и становятся одним пространством без стен. И если однажды кто-то по-настоящему научится входить в эту комнату по собственной воле — не наблюдателем, а рукой, способной коснуться нити и потянуть, — то этот кто-то будет держать в ладонях не власть над миром.

Он будет держать сам мир.

Вопрос лишь один, и он звучит проще, чем кажется: изменит ли рука хоть что-то — или лишь исполнит то, что рука эта была обязана исполнить с самого начала?

Глава 1. Зал Инея

Начало декабря 1998

Лёд не таял уже седьмой месяц.

Беллатриса знала это не по календарю, календари во дворце давно перестали вести. Она знала по звуку: тонкому, едва слышному потрескиванию, с которым иней продолжал расти по стенам Зала, вырисовывая на камне узоры, похожие на трещины. Придворные говорили, что это сама магия погоды сошла с ума после падения Тёмного Лорда. Они говорили так тихо, что она слышала их только потому, что умела слышать несказанное.

Она сидела на троне из чёрного камня, не шевелясь, и смотрела на двери в дальнем конце зала.

Рядом с троном стояло второе кресло, чуть ниже, обитое тёмным бархатом. На нём никогда не было ни пылинки: его протирали каждое утро, стараясь не задерживать на нём взгляд. Никто не смел сесть в него. Никто не смел спросить, для кого оно предназначено.

Зеркала в Зале завесили в первый же день. Приказа она не отдавала. Просто однажды вошла и увидела, что кто-то уже позаботился обо всём, и поняла, что её страх стал общим и перестал нуждаться в словах.

Иногда по ночам она пыталась вспомнить, что любила до него. Вкус какого-нибудь блюда, мелодию, цвет, который хо-

тела бы носить, и находила только его: вкусы, которые он одобрял, цвета, которые он замечал, слова, которым он однажды кивнул. Её собственный голос остался где-то далеко позади, как улица, на которую давно не сворачивают. Мужа она помнила так же: имя, лицо, дом. Название закрытой улицы.

В тот день в разрушенном зале у неё была одна секунда. Она до сих пор не знала, чем была эта секунда: милосердием, местью или просто усталостью. Знала только одно: после неё стало тихо. И эта тишина оказалась громче всего, что она слышала до того.

Двери открылись.

Секретарь шёл к трону медленно, по тонкому льду, покрывавшему пол, и каждый его шаг отзывался коротким хрустом. Он остановился на положенном расстоянии, склонил голову и протянул свиток, не поднимая глаз.

— Указ, Ваше Величество. Нужна только ваша подпись.

Тот приказ она отдала вслух, без подписи, несколько недель назад. Теперь его принесли на бумаге. Она взяла пергамент. Бумага была холодной, как всё здесь.

Разыскиваются: Драко Люциус Малфой. Гермиона Джин Грейнджер.

Первое имя она прочла без усилия. Сын её сестры. Мальчик с серыми глазами и привычкой держать подбородок чуть выше, чем нужно. Она помнила его в колыбели, неловким в чужой мантии, упрямым перед отцом. Холод в её груди не дрогнул, как не дрогнул бы лёд на озере.

Второе имя заставило её помедлить.

Магглорождённая. В юности она произнесла бы другое слово, острое и мелкое, и почувствовала бы себя сильнее. Сейчас это слово казалось ей смешным, как детская игрушка, которую нашли на дне старого сундука. Девчонка-отличница, гриффиндорка, подруга Поттера.

И всё же она знала эти черты.

Не по листовкам и не по приказам Министерства. Она знала их глубже: по залу, залитому светом свечей и падающим снегом, по платью цвета полуночного неба, по взгляду, брошенному поверх чужого плеча на человека, который был не ей. И по тёмному подвалу Малфой-мэнора, по хриплому голосу, который твердил в полутёмной гостиной: *я не понимаю*. Она не желала помнить ни того, ни другого. И помнила оба раза до последней черты.

— Ваше Величество? — осторожно спросил секретарь.

Она не ответила сразу. Пальцы крепче сжали свиток, и по краю пергамента, там, где лежала её ладонь, тихо побежал белый иней.

Она подписала. Рука не дрогнула, подпись вышла ровной и красивой, такой, какой её учили в детстве в доме, где ошибка в почерке считалась дурным предзнаменованием.

Когда секретарь ушёл, Беллатриса долго смотрела на завешенное зеркало у дальней стены. Она знала, кого увидит, если снимет ткань. Не королеву, не чудовище. Женщину, которая когда-то хотела только одного, и получила всё осталь-

ное.

Лёд за окнами потрескивал, вырисовывая на стекле новые узоры. Ей на мгновение показалось, что узоры складываются в чьё-то лицо.

Она отвернулась.

Часть I. Пятый курс

Глава 2. Соперница

Беллатриса Блэк привыкла к тому, что ей уступают дорогу — не потому что просят, а потому что имя Блэков само расчищало пространство перед ней с той же естественностью, с какой вода расступается перед носом корабля. К пятому курсу она знала это настолько твёрдо, что перестала вообще замечать.

Замечать пришлось, когда на дуэльном клубе, куда она являлась с той же уверенностью, с какой являлась на всё в своей жизни — быть лучшей, — рядом с ней впервые за долгое время оказался кто-то, кого она не смогла прочитать с первого взгляда.

Том Реддл держал палочку так, будто держал её всю жизнь — не с показной аристократической грацией, которую с детства ставили Беллатрисе гувернантки, а с холодной, выверенной экономностью движения, в которой не было ни одного лишнего жеста. Она сразу отметила это профессиональным, почти ревнивым взглядом: он двигался как человек, которому пришлось учиться этому самому, без чьей-либо помощи, — и от этого его мастерство казалось не менее, а более пугающим.

Профессор Мэррифот вызвала их друг против друга без всякого умысла — просто следующая пара по списку. Беллатриса ощутила укол азарта, который обычно предшествовал лёгкой, приятной победе.

Победы не случилось.

Дуэль длилась дольше, чем любая из её предыдущих в этом семестре, — достаточно долго, чтобы весь класс затих, наблюдая. Она атаковала — он парировал с точностью, не оставлявшей зазора для эффектности. Она сменила тактику — он предугадал смену на долю секунды раньше, чем она сама успела её осознать. В какой-то момент, отражая её собственное заклятие практически её же силой, он заставил её отступить на два шага назад, чего с ней не случалось прежде ни разу за все пять лет в этих стенах.

Поединок объявили ничьей — формально, по правилам, из-за истечения времени. Беллатриса знала правду лучше формальностей: ещё немного, и ничьей бы не случилось, причём не в её пользу.

— Неплохо, Блэк, — сказал он после, убирая палочку в карман мантии с той же экономностью движения, с какой держал её на протяжении всего поединка. В голосе не было ни намёка на снисходительность — только констатация, лишённая всякой эмоции, что почему-то задело сильнее, чем любая насмешка.

— Неплохо для кого? — бросила она резче, чем намеревалась, уязвлённое самолюбие требовало немедленного ре-

ванша словами, раз не удалось оружием.

— Для того, кто впервые за пять лет заставил меня действительно защищаться, — ответил он, глядя на неё с тем внимательным, оценивающим прищуром, каким смотрел, кажется, на весь мир вообще, — а не разыгрывать защиту напоказ.

Она хотела огрызнуться в ответ — привычно, машинально, — но что-то в этом ответе остановило её на середине фразы. *Впервые за пять лет.* Не комплимент — признание. Такое же холодное и точное, как и всё остальное в нём.

Весь оставшийся вечер она провела в необычном, непривычном для себя состоянии — не раздражения от поражения, которого, строго говоря, не случилось, а чего-то похожего на предвкушение. Впервые за долгое время в замке, стены которого она знала наизусть, появился человек, чьи следующие шаги она не могла предсказать заранее.

Реддл, повторила она про себя это имя, будто взвешивая его на языке. *Посмотрим, кто из нас действительно лучше.*

Она ещё не знала — не могла знать, — что вопрос, который она задала себе тем вечером как вызов сопернику, обернётся вопросом длиною в жизнь, ответ на который будет стоить ей самой себя.

Глава 3. За закрытой дверью

После того вечера в дуэльном клубе Беллатриса начала замечать Реддла — по-настоящему замечать, не тем рассеянным вниманием, каким одаривала большинство сокурсников, а пристальным, почти исследовательским взглядом, каким обычно смотрела только на то, что представляло для неё реальный интерес.

Замечать оказалось не так просто, как ей хотелось бы. Том Реддл умел быть на виду и одновременно совершенно недоступным — блистал на занятиях ровно настолько, чтобы преподаватели его отмечали, но никогда не позволял себе того избытка, который выдавал бы истинную глубину способностей; был вежлив со всеми и близок ни с кем; проводил вечера то в компании нескольких слизеринцев, державшихся вокруг него с почти благоговейной покорностью, то — куда чаще — в одиночестве.

Она выследила его почти случайно, хотя вряд ли согласилась бы назвать это выслеживанием, если бы кто-то спросил напрямую. Поздний вечер, библиотека, официально уже закрытая для посещений, — Беллатриса, задержавшаяся ради книги по продвинутым тёмным чарам, которую не рисковала бы держать в открытом доступе гостиной, услышала за стеллажами знакомый тихий голос, разговаривающий с кем-то. Или, поняла она через мгновение, ни с кем.

Она подошла ближе — бесшумно, годы тренировок в доме, где неосторожный шаг мог стоить внимания не самых приятных родственников, приучили её к абсолютной тишине в движении, — и увидела то, чего, была уверена, не видел прежде ни один человек в этом замке.

Том Реддл сидел на полу между стеллажами, спиной к холодному камню стены, и говорил — тихо, отрывисто, обращаясь будто к самому себе или к кому-то, существовавшему только в его голове. Не заклинания, не подготовка к уроку. Слова, в которых Беллатриса, застывшая в тени соседнего стеллажа, безошибочно различила то, чему не было места в его обычной, безупречно выверенной публичной маске.

— ...они думают, что я ничто, — говорил он тем же ровным голосом, каким объявлял бы результат зелья на уроке, но в самой ровности этой звучало нечто, что заставило Беллатрису затаить дыхание. — Приют. Магглы. Они думают, что решают, кто я такой. Они ошибаются.

Пауза. Он смотрел в пустоту перед собой, и в этом взгляде — впервые на памяти Беллатрисы — не было ни капли той сдержанной, отточенной уверенности, с которой он держался перед всеми остальными.

— Я стану тем, кем они никогда не смогут вообразить, — продолжил он, и голос дрогнул, едва заметно, на грани слышимости, — а до тех пор — до тех пор я потерплю. Я умею терпеть. Я всегда умел.

Беллатриса стояла неподвижно так долго, что у неё затек-

ли ноги, — не от страха быть обнаруженной, хотя быть обнаруженной подслушивающей было бы унинительно само по себе, а от чего-то совершенно другого, чему она не сразу подобрала название. Презрение, с которым она привыкла смотреть на большинство людей вокруг — включая, чего уж таить, и его тоже, до сегодняшнего вечера, — вдруг дрогнуло, уступив место чему-то куда более неудобному.

Он один. Мысль пришла ясно и остро, будто она впервые за весь вечер по-настоящему посмотрела, а не просто взглянула. Не просто одинок в том смысле, в каком одинока она сама порой в переполненном родственниками особняке, где никому нет дела до её мыслей, — а один совершенно иначе, без единой опоры, без единого имени за спиной, которое расчищало бы ему путь так, как расчищало её собственное.

Она отступила так же бесшумно, как подошла, и не вернулась в тот вечер за своей книгой.

Следующие несколько дней Беллатриса ловила себя на том, что смотрит на Реддла иначе — сквозь ту безупречную, выверенную маску, которую он держал перед всем миром, она теперь видела то, что скрывалось за ней, и это видение царапало её изнутри с настойчивостью, от которой она не знала, как избавиться.

Гордость, с которой она прежде мерилa весь мир вокруг, впервые в жизни столкнулась не с равным соперником — а с чем-то, вызывающим желание куда более тревожное и куда менее знакомое ей самой.

Желание быть замеченной. Не как соперница. Не как Блэк.

Просто — замеченной им.

Глава 4. Зеркало

Том Реддл не любил неизвестных величин. В его жизни почти всё можно было предсказать: слабость одних, жадность других, страх третьих. Люди были как книги с однообразными сюжетами, и он давно перестал читать их дальше первой главы.

Беллатриса Блэк не вписывалась ни в одну из его привычных полок.

Он заметил её не на дуэльном клубе. Об этом он позже сказал бы себе, если бы любил честность в отношении самого себя: он заметил её раньше, в первый же день первого курса, когда она вошла в Большой зал с таким лицом, будто стены принадлежали ей по праву рождения. Тогда он отметил про себя: *Блэк, чистая кровь, высокомерие, предсказуемо*. И перестал о ней думать на четыре года.

Дуэль всё изменила. Не потому что она сражалась лучше остальных, хотя это тоже было правдой. Он увидел другое: в тот момент, когда её заклятие отскочило от его щита, на её лице мелькнуло не уязвлённое самолюбие, а азарт. Живой, голодный, почти радостный азарт человека, который наконец встретил достойного противника. Он видел такое выражение на собственном лице, когда ловил своё отражение в тёмном стекле после удачного заклинания.

Это раздражало его сильнее, чем он готов был признать.

В среду, через неделю после дуэли, он зашёл в библиотеку позже обычного и сразу понял, что кто-то там был. Книги на нижней полке в тёмной секции стояли чуть иначе, чем он оставил. Тяжёлый том по защитным чарам лежал не на своём месте, а на подоконнике, раскрытый, с вложенной закладкой из тёмно-зелёного шёлка. Закладка была вышита серебряной нитью: крошечное созвездие над двумя скрещёнными ветвями. Гербовая нить рода Блэков.

Он стоял и смотрел на неё довольно долго.

Она была здесь в ту ночь. Он понял это без всяких доказательств, сразу и целиком. Когда он говорил вслух то, что не говорил никому, она была рядом, за стеллажом, в трёх шагах, и слушала. И с тех пор ни разу не дала понять, что знает.

Любой другой на её месте использовал бы это. Блэки умели обращать чужие тайны в оружие: за столом её семьи, по слухам, тайна ценилась дороже золота. Он ждал этого всю неделю: язвительного намёка в коридоре, тонкой угрозы, слова за ужином.

Ничего.

Это было так необычно, что он начал наблюдать за ней по-настоящему.

Она читала быстро и жадно, всегда не то, что задавали, а то, что хотела. Она не смеялась над шутками, которые считала глупыми, и смеялась резко, коротко, когда шутка ей нравилась, как будто смех вырывался против воли. Она не заискивала перед преподавателями, но и не пыталась их задеть:

просто отвечала, когда знала, и молчала, когда не знала, и в этом молчании было больше достоинства, чем у большинства громких людей. Она всегда сидела спиной к стене.

Как я, заметил он однажды и отвернулся, раздосадованный.

В пятницу вечером он нашёл её в пустом классе трансформации. Она стояла у доски и перечёркивала мелом схему, нарисованную профессором, потом рисовала свою, лучше, и снова перечёркивала. На столе лежала открытая тетрадь с таким мелким и ровным почерком, что в нём чувствовалась привычка прятаться.

Он остановился в дверях и дождался, пока она его заметит. Она заметила сразу: плечи вздрогнули едва заметно, но она не обернулась.

— Тебе что-то нужно, Реддл?

— Ты оставила кое-что в библиотеке.

Он достал из кармана зелёную закладку и положил на ближайшую парту.

Мел замер в её пальцах. Она стояла к нему спиной ещё несколько секунд, и он видел, как напряглась линия её шеи, как будто она решала, повернуться или нет. Потом она повернулась.

Лицо её было совершенно спокойным. Только глаза выдавали: тёмные, внимательные, настороженные, как у зверя, который не знает, поймали его или отпустили.

— Спасибо, — сказала она ровно.

— Ты слышала, — сказал он. Не вопрос.

Пауза. Мел тихо щёлкнул о край доски.

— Слышала, — ответила она.

Он ожидал чего угодно: оправданий, ложного удивления, колкости. Она не сделала ничего из этого. Просто смотрела на него, прямо и открыто, и в этом взгляде не было ни насмешки, ни жалости. Жалость он бы не простил.

— Почему ты никому не сказала? — спросил он.

— Не было причин.

— Это не ответ.

Она чуть склонила голову. На её губах мелькнуло что-то похожее на улыбку, короткую и неожиданно настоящую.

— Потому что это было правдой, — сказала она тихо.

— Правдой, которую ты говорил себе. Таких слов нельзя красть. — Помолчала и добавила: — А ещё потому что я знаю, каково это: когда тебя не видят.

Он молчал. Он не любил, когда его выбивали из равновесия, и не привык, чтобы это делали так спокойно.

— Ты читала Гарпера по остаточной магии? — спросил он наконец, потому что нужно было сказать что-нибудь другое, пока слова не стали слишком личными.

Её глаза блеснули.

— Читала. Он ошибается в третьей главе.

— В третьей?

— В третьей, — подтвердила она, повернулась к доске и подняла мел. — Подойди, покажу.

Он подошёл. Остановился ровно в шаге от неё, чтобы между ними оставалось расстояние, которое можно было назвать приличным. Она не обернулась, но он заметил, как чуть дрогнула её рука, когда он оказался рядом, и мел оставил на доске лишнюю линию.

Они стояли и спорили о магических потоках до тех пор, пока за окном не погас закат и свечи в коридоре не зажглись сами собой.

Идя потом в подземелья, Том впервые подумал о ней не как о Блэк, не как о сопернице и не как о предсказуемой величине. Он подумал о ней как о зеркале: оно показывало его таким, каким никто никогда его не видел, и при этом молчало.

Он ещё не знал, что зеркало, в которое смотришь слишком долго, начинает смотреть в ответ.

Глава 5. Общая мечта

Беллатриса не планировала подниматься на Астрономическую башню в ту ночь. Она вообще редко что-нибудь планировала, когда дело касалось порывов, и поэтому ненавидела порывы: за них потом приходилось отвечать.

Просто после ужина ноги сами понесли её вверх по лестнице, мимо сонных портретов, и когда она вышла на площадку, он уже был там.

Том стоял у парапета, глядя на тёмное озеро. Ветер трепал полы его мантии, и в лунном свете профиль казался высеченным из камня. Он не обернулся, но и не удивился. Только сказал:

— Я думал, ты не придёшь.

— Я не к тебе, — соврала она.

— Конечно, — ответил он, и в уголке его рта дрогнуло что-то, похожее на улыбку.

Она подошла и встала рядом, на расстоянии вытянутой руки, как привыкла: так, чтобы можно было и уйти, и остаться. Внизу, у кромки воды, медленно двигался огонёк: старый сторож Огг с фонарём обходил границу леса.

Некоторое время они молчали. Беллатриса заметила, что молчание с ним не было похоже на молчание с другими. С другими оно давило, требовало чем-то заполнить его. С ним оно просто было, ровное и тёплое, как слабое пламя свечи.

— Тебе не бывает тесно? — спросила она вдруг.

— Где?

— Здесь. — Она неопределённо повела рукой, охватывая и замок, и озеро, и тёмные горы вдаль. — В этом мире. В его правилах. В том, что нужно улыбаться, кивать, называть правильные имена и ставить правильные подписи.

— Постоянно, — тихо сказал он.

Она повернулась к нему.

— Мой отец говорит, что я должна выйти замуж за человека, которого выберет семья, — сказала она, и голос стал ровнее, чем ей хотелось. — Он говорит об этом, как о погоде: что-то, что неизбежно случится и от чего нельзя укрыться. Моя мать смотрит на меня так, как смотрят на дорогую вазу: чтобы не разбилась до свадьбы. А я не хочу быть вазой. Я хочу быть...

Она замолчала, не зная, как закончить.

— Тем, кто решает, — договорил Том за неё.

Она посмотрела на него, удивлённая тем, как точно он назвал то, чего она сама не могла назвать.

— Да, — выдохнула она.

— Я знаю, — сказал он. — Я это видел с первой дуэли.

Он помолчал и повернулся к парапету. Ветер шевельнул тёмные волосы у него на лбу.

— Знаешь, что мне кажется несправедливым? — сказал он медленно. — Мы с рождения владеем тем, чем другие не владеют. Магия. Настоящая, сильная, древняя. И при этом

мы прячемся. Прячем её от тех, кто не понимает, подчиняемся правилам, которые придумали слабые. Мы живём в клетке, которую сами же охраняем.

— Статут о секретности, — сказала Беллатриса.

— Статут о секретности, — повторил он, и в этих словах прозвучало почти презрение. — Мир мог быть другим. Миром, где волшебники не прячутся, где древние рода получают то, что им принадлежит по праву, где сила уважается, а не стыдливо скрывается.

Она слушала, и что-то горячее поднималось у неё в груди. Это были слова, которые она слышала сотни раз за столом у себя дома, как привычные, пыльные формулы. Но в его устах они звучали иначе. Живо. Как будто он не повторял чужое, а видел это сам, впервые, и хотел это построить.

— Чистая кровь должна вести, — сказала она тихо, и это были слова её семьи, но она произнесла их так, словно открывала их заново.

Что-то мелькнуло в лице Тома. Короткая тень, быстрая, будто он задел о что-то острое. Она почти не заметила бы, если бы не смотрела на него так пристально.

— Должна, — согласился он ровным голосом. — Мир нужно перестроить, Белла. Не завтра и не через год. Но однажды.

Он впервые назвал её по имени.

Она почувствовала, как сердце сделало лишний удар, и разозлилась на себя за это.

— Ты говоришь, как будто сам собираешься это сделать,
— сказала она.

— А ты бы поверила, если бы собирался?

Она долго смотрела на него. В лунном свете его глаза казались почти чёрными, и в них не было ни насмешки, ни игры. Только спокойная, холодная решимость человека, который уже всё решил и теперь лишь ждёт времени.

— Поверила бы, — сказала Беллатриса.

Она не сомневалась. И именно это пугало её больше всего.

— Тогда мне нужен кто-то, кто пойдёт со мной, — сказал Том. Он не смотрел на неё, и она поняла, что это тоже было непросто для него. — Не последователь. Не тот, кто кивает и повторяет мои слова. Тот, кто может возразить. Кто видит иначе. Кто не побоится сказать, когда я ошибаюсь.

— Я не умею молчать, — предупредила она.

— Я заметил, — сказал он, и теперь улыбка была настоящей.

Она улыбнулась в ответ, не думая, и не сразу поняла, что улыбается.

Они ещё долго стояли на башне, пока ветер не стал совсем ледяным. Они говорили обо всём подряд: об амбициях, о запретных книгах, о том, как приятно, наверное, однажды войти в зал и знать, что тебя никто не посмеет остановить. Она рассказывала про сестёр, он про приют, но коротко и осторожно, как человек, идущий по тонкому льду. Она не стала спрашивать. Она чувствовала: если надавить, он

закроется навсегда.

Уже перед самой лестницей он остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Белла.

— Да?

— Я никому этого не говорил. Про Статут, про мир, про всё это.

— Я знаю, — сказала она. И, помолчав, добавила то, что отозвалось в ней самой неожиданной теплотой: — Теперь мы оба знаем.

Это «мы» повисло между ними в холодном воздухе, как слово, которое нельзя забрать обратно. Она спускалась по лестнице, держась за стену, потому что ноги почему-то были непослушными, и думала, что впервые в жизни не одна в своей мечте.

Она не заметила, что он ни разу не рассказал ей, чего хочет на самом деле. Она слышала только то, что хотела услышать.

Глава 6. Слова, которые нельзя забрать

Прошло три недели с той ночи на Астрономической башне, и Беллатриса с ужасом обнаружила, что считает дни.

Не то чтобы она хотела считать. Это происходило само, как биение пульса: утром она открывала глаза и первым делом думала, увидит ли его сегодня, потом злилась на себя за эту мысль, потом шла в Большой зал с самым безразличным лицом, на какое только была способна, и всё равно находила его взглядом за слизеринским столом ещё до того, как успевала сесть.

Он всегда сидел спиной к стене.

Она тоже.

Раньше она ловила себя на том, что подмечает в людях лишь изъяны: чужую неловкость, дешёвую мантию, неудачную фразу. Теперь она подмечала мелочи совсем иного рода. Как он слегка наклоняет голову, когда слушает что-то по-настоящему интересное. Как перо в его пальцах никогда не дрожит, даже когда профессор Слизнорт расхваливает его перед всем классом, а вот в уголке рта проступает напряжение, едва уловимое, как трещина в тонком льду. Как он замолкает на полуслове, если рядом оказывается кто-то из тех, кому не следует слышать лишнего.

В этих мелочах было что-то опасное, потому что мело-

чи нельзя было подделать. Блеск, силу, холодное остроумие можно изобразить. А вот привычку закрывать дверь тихо, чтобы не разбудить соседа по спальне, или то, как он однажды, думая, что его никто не видит, поправил упавший на пол чужой плащ на крючке, она никак не могла бы придумать.

Она не собиралась влюбляться. Влюблённость в её семье считалась болезнью слабых, чем-то вроде насморка: неприятным, но недостойным серьёзного отношения. Её сёстры вышли бы замуж за тех, кого им выберут, и привыкли бы, и считали бы это нормой. Беллатрисе привыкать не хотелось.

В четверг вечером шёл дождь, тяжёлый, осенний, с тем сырым запахом камня и мокрых листьев, который проникает даже сквозь самые толстые замковые стены. Она заранее знала, где его найдёт: в пустом классе трансфигурации, где они уже несколько раз сидели допоздна, споря над одной и той же схемой. Мелом по доске, перьями по пергаменту, иногда просто взглядами поверх раскрытых книг.

Она шла по коридору и репетировала. Внутри, в голове, где её никто не слышал, она уже десять раз произнесла всё, что собиралась сказать. Холодно и остроумно. С лёгкой насмешкой, чтобы в любой момент можно было сделать вид, что это шутка. *Знаешь, Реддл, ты оказался терпимым собеседником. Или: Я бы не возражала, если бы мы продолжили эти занятия.* Фразы были безупречно правильными и совершенно пустыми.

Она открыла дверь, и все десять репетиций рассыпались.

Он сидел на подоконнике, подтянув одно колено к груди, и смотрел на потоки воды по стеклу. Не читал, не писал, не мерил кого-нибудь оценивающим взглядом. Просто сидел. Свеча на соседней парте отбрасывала дрожащий свет на его лицо, и в этом свете он выглядел моложе и уязвимее, чем днём: не будущим великим волшебником, а обычным мальчишкой, у которого за окном идёт дождь и которому некуда идти.

Он обернулся на звук. Лицо сразу собралось, словно захлопнулась створка.

— Белла.

— Том.

Она впервые назвала его по имени, и по тому, как едва заметно изменился его взгляд, поняла, что он услышал это так же остро, как услышала она.

Она закрыла дверь. Подошла к парте напротив и села, положив сумку на колени, потому что нужно было куда-то девать руки. Некоторое время они молчали, и дождь за окном стучал всё настойчивее.

— Ты хотела что-то сказать, — заметил Том. Не вопрос.

— Нет.

— Ты репетировала это по дороге сюда. У тебя всегда напряжена линия челюсти, когда ты репетируешь.

Она вспыхнула, возмущённая и польщённая одновременно. Он замечал. Он тоже замечал, и от этой мысли внутри

что-то оборвалось, как струна.

— Ладно, — сказала она резко. — Ладно. Хорошо.

Она встала. Ей нужно было стоять, потому что слова, которые она собиралась произнести, нельзя было говорить сидя, не глядя в глаза. Она подошла к окну, остановилась в двух шагах от него и сложила руки перед собой, сжав пальцы так сильно, что побелели костяшки.

— Я не умею это делать, — сказала Беллатриса. — Я никогда этого не делала. Мне всегда говорили, что в таких случаях нужно ждать. Что тот, кто должен сказать первым, скажет сам. Но ты не скажешь, правда? Ты не из тех, кто говорит.

Он молчал. Он смотрел на неё, и она видела, как в его глазах что-то быстро, почти незаметно перебирается и взвешивается, словно он решал сложную задачу.

— Я думаю о тебе, — продолжила она, и голос на этих словах предательски дрогнул, но она не остановилась. — Всё время. Это глупо и неудобно, и мне это не нравится. Я просыпаюсь и думаю: «Увижу ли его». Я иду по коридору и думаю: «Вдруг он там». Я прячусь за книгами и читаю одну и ту же страницу по три раза, потому что слышу, как ты переверачиваешь листы за соседним столом. Это ужасно, Том. Я никогда ничего подобного не чувствовала, и не хочу этого чувствовать, и всё равно...

Она замолчала. Воздух в классе вдруг стал плотным, словно перед грозой, хотя гроза бушевала снаружи.

— Мне не нужно, чтобы ты отвечал, — сказала она тише.
— Я просто хотела, чтобы ты знал.

Тишина тянулась мучительно долго.

* * *

Том никогда не думал, что услышит такие слова.

Он знал, как с ним разговаривают люди. Он знал уважение, страх, расчётливое заискивание, лесть, зависть. Он умел распознавать каждое из этих чувств за один взгляд и использовать их так же, как использовал любые другие ресурсы. Но в том, что сказала Беллатриса, не было ни одного из них. Она стояла перед ним, бледная от волнения, с побелевшими пальцами, и говорила то, что, он был уверен, ей самой обошлось дороже любого проклятия, и просила у него только одного: чтобы он знал.

Не требовала ответа. Не торговалась. Не ждала выгоды.

Он не понимал, что с этим делать.

Внутри поднималось что-то странное, тёплое и совершенно неуместное, и он, привыкший разбирать любое чувство на составные части, на этот раз не сумел. Не было ни расчёта, ни победы. Была только мысль, острая и почти болезненная: *она сказала это мне.*

Он думал о том, что должен сказать. Правильные слова существовали, он знал их: те, что удержат её рядом, что сделают её преданной, что укрепят связь, которая однажды может стать полезной. Он видел, как легко это сделать. Она была готова поверить во что угодно, лишь бы это произнёс он.

Но что-то внутри него упёрлось.

Он не хотел лгать ей. Не сейчас. Не этой, с побелевшими пальцами.

Тогда он сказал единственное, что оказалось правдой:

— Ты первая, кому я позволил быть рядом.

Она вскинула голову.

— Я никогда никого не... — Он замолчал, подбирая слова, которых у него не было, потому что он никогда не пользовался такими. — Люди обычно уходят. Или я уходил первым, до того, как они успевали. А ты... осталась. Ты слышала то, что я говорил в библиотеке, и осталась.

Он встал, и теперь они оказались друг напротив друга, в шаге.

— Я не знаю, что это такое, — признался Том тихо. — Я не умею называть такие вещи. Но когда тебя нет рядом, я замечаю, что тебя нет.

Для него это было невероятно много. Для неё, он видел по её лицу, это оказалось всем.

Её глаза блеснули, и она быстро отвернулась, пряча то, что нельзя было показывать. Он увидел, как дрогнули её плечи.

И тогда он сделал то, чего не делал ни для кого: осторожно, не торопясь, словно протянул руку к чему-то хрупкому, он коснулся её пальцев, всё ещё сжатых до белизны.

Она замерла.

Её рука была холодной и маленькой, а под кожей тревожно билась жилка. Он не сжал её и не потянул к себе. Просто

положил свою ладонь поверх, и пальцы Беллы, один за другим, разжались, будто их держала невидимая пружина, которая вдруг ослабла.

Они стояли так долго, не говоря ни слова. За окном лил дождь. Свеча на парте оплывала, роняя тёплый воск, и тени на стенах качались, как дыхание.

Это было всё. Ни поцелуя, ни объятия, ни ещё одного слова. Только его ладонь на её руке и её неровное дыхание. И для обоих, каждому по-своему, это значило больше, чем любые клятвы.

* * *

Она вернулась в спальню далеко за полночь и долго лежала без сна, глядя в зелёный полог кровати. Правая рука, та самая, на которой остался отпечаток его прикосновения, казалась ей чужой, живой, немного горячей. Она держала её на груди и боялась пошевелиться: вдруг тепло уйдёт.

Он сказал: «Ты первая».

Эти слова она будет носить с собой годами. Она не знала, что от них не освободиться. Что однажды она будет вспоминать их как последнее доказательство того, что что-то в нём было настоящим. Что станет хвататься за них, как утопающий за обломок, когда всё остальное давно утонет.

А в подземельях Том Реддл сидел на краю кровати, глядя на собственную ладонь, и впервые за долгие годы не мог заставить себя собрать мысли в ровный строй. Он не знал, что с этим делать. Он знал только, что отныне в его безупречно

выстроенном мире появилась брешь размером с одну холодную руку.

И что закрывать её он почему-то не хочет.

Зал Инея. II

Королева помнила тот дождь.

Не слова, слова давно стёрлись, как надписи на старом камне. Она помнила запах мокрых листьев и воска, дрожащее пламя свечи и тяжесть собственных рук, которые некуда было деть. Помнила, как сказала: *мне не нужно, чтобы ты отвечал.*

Ложь. Ей нужно было. Нужно было всю жизнь.

Она сидела на троне, и иней медленно ползал по подлокотникам, не касаясь её ладоней. Над озером за окнами не рассветало уже много часов.

Один тот вечер она берегла так бережно, как другие берегут письма. Достанет, разгладит, прочтёт и снова спрячет. Только вот прочитать там можно было что угодно: нежность, предзнаменование, начало конца. Она давно перестала понимать, чем оно было на самом деле.

Ты первая.

Она закрыла глаза. Лёд в Зале на мгновение затих, словно прислушиваясь.

Глава 7. Одержимость

Весна пришла в Хогвартс медленно и нехотя, как гостья, не уверенная, что ей рады. Снег сошёл с лужаек, озеро потемнело, а в коридорах пахло сырой землёй и талым камнем.

Беллатриса теперь знала расписание Тома лучше собственного.

Она не гордилась этим. Скорее, замечала, как бы со стороны, с лёгким недоумением, что знает: во вторник он задерживается после зельеварения, чтобы поговорить со Слизгортом, в четверг до полуночи сидит в дальней секции библиотеки, а по пятницам исчезает на несколько часов, и никто не знает куда. Она выучила это, как выучивала заклинания: сначала сознательно, потом само.

Другие вещи она замечала тоже. Что ему нравится, когда она спорит, и не нравится, когда соглашается слишком быстро. Что он любит чёрный чай без сахара и терпеть не может, когда трогают его книги. Что у него есть слово, которое он употребляет, когда доволен: «Достойно». Она всё чаще ловила себя на том, что ждёт этого слова и подбирает действия так, чтобы заслужить его.

Сначала это казалось безобидным. Ей захотелось быть лучше на уроках, потому что он замечал. Захотелось прочитать то, что читал он, чтобы им было о чём говорить. Потом она заметила, что читает только то, что читает он, и пере-

стала возвращаться к тем книгам, которые любила раньше: к старым сказкам с оторванными корешками и к стихам, которые прятала на дне сундука. Они остались там, под слоем мантий, как забытые письма.

Вещи, которые она любила, не нравились ему. Это было всё равно что сказать: это не имеет значения.

Подруги пытались заговорить с ней в начале апреля. Лукреция Розье, с которой Беллатриса за четыре года не поссорилась ни разу, села рядом в гостиной и спросила осторожно:

— Ты в последнее время словно не здесь.

— Я занята.

— Ты всё время занята. — Лукреция помедлила. — Он тебе нужен или ты ему?

Беллатриса посмотрела на неё холодно и спокойно, так, как умела смотреть, когда не хотела обсуждать.

— Не лезь в то, чего не понимаешь.

Лукреция ничего не ответила и ушла. Через два дня Беллатриса поймала себя на том, что не заметила, что та перестала садиться рядом. Через неделю она сообразила, что не помнит, когда в последний раз смеялась по-настоящему. Не вежливо, а так, как смеялась раньше: вдруг и некрасиво, запрокинув голову.

Она решила, что это неважно.

* * *

Первая тревога пришла с запахом.

В конце мая Том вернулся с одной из своих пятничных

отлучек, и от него пахло чем-то, чему она не нашла названия. Затхлость сырого подвала, холодный металл и что-то сладковатое, едва уловимое, как остаточный след после ритуала. Он вошёл в класс, где она ждала его с книгой, и на мгновение их взгляды встретились.

В его лице что-то было. Усталость, но не обычная, а глубоже, как будто под кожей лежало нечто лишнее. И одновременно он выглядел собранным, почти торжествующим, как человек, решивший трудную задачу.

— Ты где был? — спросила она.

— Занимался.

— Чем?

— Тем, что нужно.

Он сел напротив и раскрыл тетрадь. Она видела, что он не хочет говорить, и знала, что должна настоять. Раньше она не замолчала бы, она спорила и допрашивала, пока не добивалась правды или хотя бы честного отказа.

Но в этот раз что-то внутри неё сказало тихо и очень убедительно: *Не спрашивай. Ему это не понравится. Ты потеряешь его.*

Она промолчала.

Позже, лёжа в кровати, она вспомнила, как раньше смеялась над теми, кто боится потерять чьё-то расположение. Теперь та самая она, острая на язык, не умеющая молчать, проглотила вопрос так же легко, как глотают горькую таблетку.

В июне, незадолго до конца учебного года, в замке слу-

чилась беда: нашли мёртвую девочку в женском туалете на втором этаже. Полукровку с Когтеврана, тихую, носившую очки, над которой в школе часто смеялись. Школа гудела до самого конца года. Говорили о чудовище, о проклятии, о ритуале, о закрытии Хогвартса. Директор Диппет ходил по коридорам с серым лицом.

Беллатриса слышала всё это краем уха и думала об одном: *Это совпадение, что он вернулся тогда с тем запахом.*

Совпадение.

Она повторяла это слово так часто, что оно перестало значить хоть что-нибудь. Когда они в тот вечер встретились в пустом классе, Том был спокоен и холоден, как обычно, и даже слегка ласков, и она не спросила ни о чём. Он подал ей руку, и она взяла её, и между пальцами, там, где всё ещё оставалась тёплая жилка, она не нашла ничего, что подсказало бы ей, что правда лежит где-то глубже.

Она просто решила не искать.

Это было первое по-настоящему страшное решение в её жизни, и она даже не заметила, что приняла его.

* * *

В последний вечер учебного года они снова пришли на Астрономическую башню.

Внизу, у озера, зажигали огни: старшие курсы устроили прощальный костёр. Далёкий смех долетал до них слабым эхом. Беллатриса стояла у парапета, облокотившись о холодный камень, и смотрела на мерцающие точки света.

— Ты вернёшься осенью, — сказал Том. Не вопрос.

— Конечно.

— Я буду здесь.

— Я знаю.

Они стояли в полушаге друг от друга. Ветер тянул её волосы к нему, она видела, как он смотрит на них, и подумала, что не против, если он их коснётся. Но он не коснулся.

— Лето длинное, — сказала она, потому что нужно было что-то сказать.

— Я напишу.

Она повернулась. Он стоял спокойный, серьёзный, смотрел на неё долго, внимательно. Потом поднял руку и очень осторожно заправил ей за ухо выбившуюся прядь.

Пальцы коснулись виска. Один миг. Одно движение.

Беллатриса поняла, что не дышит.

— Береги себя, Белла, — тихо сказал он.

Он ушёл первым, не оглядываясь. Она осталась на башне ещё долго, пока костёр внизу не догорел и звёзды не стали холодными и яркими, как лёд.

Она касалась виска кончиками пальцев. Туда, где был его палец, и тепло ещё держалось.

Я напишу, — сказал он.

Все каникулы она ждала письма. Каждое утро проверяла почту, каждый вечер ложилась с мыслью, что завтра оно придёт. Письмо пришло в конце августа: одна строчка, холодная, аккуратная, без обращения.

Возвращаюсь в замок 1 сентября. Жду.

Она прочитала его, наверное, сотню раз. Приложила к щеке. Спрятала под подушку.

Бумага была холодной.

А она уже не могла представить, что бывает по-другому.

Часть II. Шестой курс

Глава 8. Спор

Нора. Июль 1997

Комната Рона под самой крышей Норы пахла пылью, старым деревом и остывшим чаем: так пахнет в вещах, которые слишком долго не спали. Со стен смотрели выцветшие оранжевые плакаты, а на подоконнике дотлевала забытая миссис Уизли свеча. Гермиона держала в руках маленький, потемневший от времени маховик. Это он пришёл к ней в тонком конверте после похорон, вместе с запиской, написанной знакомым, чуть дрожащим почерком: *«Ты одна поймёшь, что с этим делать. Я всегда в это верил»*.

— Он знал, — сказала она тихо, в третий раз за вечер. — Он знал, что его убьют, и всё равно оставил это мне. Не Гарри. Мне. Потому что понимал: я не стану бросаться с этим сломя голову.

Гарри сидел на краю кровати напротив, обхватив кружку с остывшим чаем так крепко, будто она единственное, что удерживало его на месте.

— И что ты предлагаешь? — спросил он, не поднимая глаз. — Вернуться на полвека назад и что, подружиться с ним? Объяснить Тому Реддлу, что убивать людей нехорошо?

— Да, — она произнесла это твёрже, чем сама ожидала.
— Именно это. Гарри, подумай: что, если всё, чем он стал, началось не потому, что зло было в нём с рождения, а потому, что рядом никогда не было никого, кто дал бы ему то, что есть у тебя, у Рона, у меня? Дружбу. Тепло. Кого-то, кто заметил бы его раньше, чем тьма.

— Ты правда веришь, что дело в этом? — В голосе Гарри звучала не злость, а усталость, куда более тяжёлая. — Гермиона, я видел его память. Я видел, каким он был мальчишкой: он мучил животных. Мучил детей. Это не то, что лечится дружбой.

— Люди меняются, если рядом есть кто-то, кто в них верит.

— А если нет? — тихо сказал Рон, впервые вступая в разговор. Он сидел на полу, привалившись спиной к кровати, и вертел в руках погасшую волшебную палочку, будто искал в её узоре ответ. — Если ты права и ничего не выйдет, ты просто исчезнешь. Останешься там одна, в прошлом, а мы здесь, без единственного человека, который вообще понимает, что мы делаем.

Гермиона хотела возразить, но слова застряли, потому что в этом был свой резон, и она это знала.

— Дамблдор направил нас за крестражами не просто так, — продолжил Гарри уже мягче. — Это план. Это то, во что я могу верить, потому что он в это верил. У меня нет сил придумывать другой путь, Гермиона. Правда нет. Я устал.

Я хочу закончить то, что он начал: не переписать историю заново, а закрыть её. Найти крестражи. Убить его. Всё.

Слово «убить» повисло между ними куда тяжелее, чем должно было прозвучать из уст Гарри, каким она его знала.

— Значит, ты просто хочешь его смерти, — тихо сказала она. Не обвинение, констатация, от которой стало холодно.

— Да, — ответил он и впервые за вечер посмотрел ей прямо в глаза. — Хочу. После всего, что он забрал, да, Гермиона, хочу. И это не делает меня неправым только потому, что твой план звучит благороднее.

Она замолчала. Он был прав, и вместе с тем неправа была не она: правда здесь оказалась не одна, их было ровно столько, сколько людей в этой комнате, и ни одна не отменяла другую.

— Каждый несёт то горе, которое может, — сказал наконец Рон, неловко, но искренне, как умел только он. — Ты хочешь спасти всех, переписав начало. Гарри хочет закончить то, что начал Дамблдор, потому что иначе всё, через что он прошёл, окажется бессмысленным. Я просто хочу, чтобы вы оба остались живы, и мне, если честно, всё равно, каким путём мы к этому придём.

Что-то в этой обезоруживающей простоте тронуло её больше, чем весь предыдущий спор.

Гермиона опустила взгляд на маховик в ладони. Сказать им сейчас, что она уже всё решила, что услышанное не переубедило её, а лишь подтвердило: они пойдут своим путём,

она своим, и ни один разговор этого не изменит, значило разрушить единственное, что было настоящим в этой комнате. Единство, которое им ещё понадобится.

Поэтому она просто отставила чашку и сказала:

— Простите. Я не должна была давить.

Гарри посмотрел на неё с облегчением, которое ранило большее любого спора, потому что она знала: он поверил, что вопрос закрыт.

Он поднялся первым, обнял её крепко, как обнимают перед долгой дорогой, и произнёс в макушку, тихо:

— Что бы ни случилось дальше, мы втроём. Всегда. Что бы ни выбрал каждый из нас.

Рон обнял её следом, неловко похлопал по спине, пробормотал что-то о том, что она «слишком много думает, но именно за это они её и любят», и на секунду ей отчаянно захотелось, чтобы этого хватило: чтобы объятия, тепло, обещание быть рядом действительно смогли изменить то, что она уже твёрдо решила сделать одна, без них, этой же ночью.

Не хватило.

Она знала это ещё до того, как они разомкнули руки.

Глава 9. Переход

Они проговорили до глубокой ночи, пока усталость не взяла своё. Гарри уснул, не раздеваясь, поверх покрывала, Рон на полу, подложив под голову свёрнутую мантию. Гермиона осталась в кресле у окна и долго слушала дыхание спящих: ровное у Рона, прерывистое у Гарри. Она думала о том, что впервые за долгое время дом, полный людей, которых она любила, казался ей холоднее любого пустого места.

В Норе стояла та особенная, тяжёлая тишина, которая наступает не потому, что нечего сказать, а потому, что сказано слишком много. За окном было непривычно темно, будто ночь сама чего-то ждала.

Она поднялась бесшумно (годы, проведённые в компании двух мальчишек, приучили её двигаться тихо) и достала из кармана мантии маленький предмет, завёрнутый в кусок ткани, будто это могло приглушить не только звук, но и то, что он собой представлял.

Маховик не был похож на игрушку. Таким его назвала бы Амбридж, увидев министерский образец на цепочке. Этот был тяжелее, старше: тонкое кольцо из тёмного металла, внутри которого вращался узкий диск, испещрённый рунами, стёршимися от времени настолько, что прочесть их мог, пожалуй, только тот, кто их начертал. По внешнему ободу бежали мелкие знаки, обозначающие годы. Дамблдор оста-

вил вместе с ним всего одну строчку объяснения: *повернуть кольцо к нужному году и произнести его вслух. Время услышит тебя, если ты действительно готова заплатить его цену.*

Она не знала, в чём эта цена состоит. Записка не уточняла, а спросить было не у кого.

Когда она развернула ткань, металл оказался тёплым. Не от её рук, она ещё не прикасалась к нему. Тёплым, как предмет, который кто-то только что держал в ладонях. Гермиона замерла, а потом решила, что это игра воображения. Решила, потому что так было спокойнее.

Она в последний раз обвела взглядом комнату: покосившиеся полки, выцветшие плакаты, две спящие фигуры, которые утром проснутся одни. На секунду решимость дрогнула, и она чуть было не разбудила Гарри, просто чтобы услышать голос, прежде чем исчезнуть.

Не разбудила.

Она сжала кольцо в ладони и повернула ободок против часовой стрелки, пока нужный знак не встал на место. Пятьдесят четыре года. Она не стала считать: цифра была слишком огромной, чтобы осознать её целиком, и слишком реальной, чтобы от неё отмахнуться.

— Тысяча девятьсот сорок третий, — произнесла она, и голос в тишине Норы прозвучал неожиданно громко.

Руны на диске вспыхнули тусклым, почти неживым светом. Воздух вокруг неё сгустился, будто комната сама зата-

ила дыхание, а затем потянул: не в сторону, а сквозь, так, словно кто-то невидимый ухватил её за грудину и потащил не в пространстве, а во времени, минуя каждый прожитый год слишком быстро, чтобы успеть о нём подумать.

Последним, что она увидела в своей эпохе, была светлеющая полоса рассвета за окном Норы.

Первым, что она увидела в новой, потолок, которого никогда прежде не было над этой кроватью.

Глава 10. Распределение

Большой зал сиял так, как умеет сиять только начало учебного года: тысячи свечей парили под зачарованным потолком, где отражалось ясное, без единого облака вечернее небо, а длинные столы ломились от блюд, запах которых заставлял забыть о любых тревогах хотя бы на пару минут. Стены древнего замка, казалось, дышали благополучием. Беда, которую Гермиона пришла предотвратить, пока что сидела за зелёным столом и скучала над тарелкой.

Новичков старших курсов усадили порознь, на два стула по краям возвышения у преподавательского стола. Колонна и ряд профессоров скрывали одного от другого. Гермиона сидела на левом краю, сжимая под столом край мантии, и не могла унять волнения, хотя внешне держалась ровно, как держалась всегда. Забавно, думала она: сколько раз она сидела в этом зале, сколько раз он был ей привычнее собственной спальни, а теперь, в чужом времени, среди лиц, которые она знала только по старым фотографиям или вовсе не знала, ей казалось, что она здесь впервые. Она была уверена, что окажется единственной новенькой старшего курса. Так проще, так меньше внимания.

Директор Диппет, пожилой волшебник с редкой седой бородкой и мягким, чуть рассеянным голосом, поднялся и произнёс приветственную речь, полную тепла и обычных в на-

чале года напутствий. Под конец он добавил, будто между делом, что старший курс в этом году пополнят двое учеников, прибывших из-за границы и с честью выдержавших все необходимые испытания.

Двое.

Гермиона застыла, и пальцы сами собой сжали ткань крепче.

На правом краю возвышения Драко Малфой сидел с привычным выражением скупающего превосходства на лице. Годы, проведённые в умении ничем не выдавать себя, не прошли даром даже здесь, в чужой эпохе. Но за безупречной маской что-то дрогнуло при слове «двое». Он рассчитывал остаться единственным чужаком, единственным, кто знает, зачем он здесь. Интуиция, отточенная годами в доме, где она часто была единственной защитой, уже подсказывала, что второй ученик ему не понравится.

Директор опустил в кресло, и поднялся другой профессор.

Гермиона увидела его и забыла, как дышать.

Он был моложе, чем она привыкла его видеть. В рыжеватой-каштановой бороде больше меди, чем седины, и в движениях ещё не было той усталой осторожности, которую она запомнила. Но мягкую властность в голосе, от которой у неё перехватило горло, она узнала бы где угодно. Профессор Дамблдор, преподаватель трансфигурации и глава Гриффиндора, стоял всего в нескольких шагах, живой и невреди-

мый, и держал в руках пергаментный список.

Он жив. Здесь он жив.

Перед глазами, непрощеная, встала Астрономическая башня. Гермиона заставила себя смотреть на узор скатерти, пока зрение не прояснилось.

— Прошу выйти к табурету мисс Грейнджер и мистера Малфоя, — произнёс Дамблдор.

Она поднялась и шагнула из-за колонны. С другой стороны, огибая ряд профессоров, к центру возвышения вышел Драко.

Они увидели друг друга одновременно.

Он узнал её раньше, чем она успела поднять взгляд от собственных ботинок: тот самый узел непослушных волос, та же прямая, слишком прямая для простой ученицы спина. *Грейнджер*. Разумеется. Из всех людей в мире, которых судьба могла закинуть в это время вместе с ним, именно она. Он мысленно застонал, тут же напомнив себе о цели, ради которой пересёк полвека: сосредоточиться, не отвлекаться, сберечь мать и отца от того, что ждёт их в будущем. Мисс Всезнайка с её вечно поднятой рукой была последним, что ему сейчас требовалось.

И всё же под слоем раздражения, в месте, признаваться в существовании которого ему совершенно не хотелось, шевельнулось что-то похожее на облегчение. Знакомое лицо. Хоть одно.

Гермиона смотрела на него, и на секунду весь зал, пол-

ный чужих, ещё не знакомых ей людей, будто исчез. Остался только он: Драко Малфой с той же аристократической осанкой, с какой ходил по коридорам её собственного времени, только без того груза вины, который она видела в нём после смерти Дамблдора.

Юный Пожиратель смерти. Здесь. Сейчас.

Мысли понеслись быстрее, чем она успевала их останавливать: зачем он здесь, что он планирует, кого собирается спасти или, что вероятнее, кого уничтожить, прежде чем это успеет сделать история. Ярость, горячая и почти детская в своей внезапности, поднялась в груди прежде, чем она успела её сдержать, и, судя по тому, как чуть дрогнули его светлые брови, что-то от этой ярости отразилось на её лице.

Драко прищурился в ответ. Вызов, узанный вызов, старый, как их собственная школьная вражда. Он вздёрнул подбородок чуть выше обычного, всем видом показывая, что её взгляд его не задел. Хотя задел.

Дамблдор перевёл взгляд с одного на другую, и Гермионе показалось, что светлые глаза задержались на ней на секунду дольше, чем требовала церемония.

— Мисс Грейнджер, прошу вас.

Она села на трёхногий табурет первой. Шляпа опустилась ей на голову, и знакомый голос в сознании удивлённо хмыкнул: *«Снова ты? Хотя нет, не снова. Но узнаю этот ум где угодно»*. Раздумывать Шляпе не пришлось долго.

— ГРИФФИНДОР! — прогремело на весь зал, и стол

взорвался овациями, искренними, гостеприимными, ещё не омрачёнными войной, которую она принесла с собой. У Гермiony неожиданно защипало глаза.

Драко подошёл к табурету следующим и сел с видом человека, оказывающего Шляпе одолжение самым фактом своего присутствия. Внутренний голос Шляпы был короче и суше: *«Слизерин. Даже спрашивать не о чем»*.

— СЛИЗЕРИН!

Аплодисменты за зелёным столом были сдержаннее, холоднее: этот факультет аплодировал достижениям, а не радости. Среди хлопающих сидел темноволосый юноша с идеально прямой осанкой и скупающим, чуть снисходительным выражением лица, будто распределение новичков было церемонией, недостойной его полного внимания. Он хлопнул дважды, коротко, и тут же вернулся взглядом к тарелке. Но Гермiony, направляясь к гриффиндорскому столу, поймала этот взгляд краем глаза и почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имевший никакого отношения к сквозняку из приоткрытых дверей.

Том Реддл.

Она села, и через мгновение, будто подчиняясь силе, которой оба не могли до конца сопротивляться, их с Драко взгляды снова встретились через весь зал: короткая, острая вспышка узнавания и вражды.

Глава 11. Подземелья

Слизеринские подземелья не располагали к теплу — ни в прямом смысле (камни здесь хранили прохладу даже в разгар осени), ни в переносном. Дружба, которую здесь ценили, редко была искренней; чаще она измерялась полезностью, происхождением, тем, что один может дать другому. Драко знал эти правила с рождения — он рос среди них.

И всё же имя Малфоев, даже произнесённое человеком, о котором никто здесь прежде не слышал, значило достаточно, чтобы за общим столом гостиней ему выделили место без единого вопроса. Кровь говорила сама за себя раньше, чем успевал сказать что-либо её обладатель — этому Драко тоже был обучен с рождения, и он не преминул воспользоваться этим преимуществом, вживаясь в роль наследника древнего рода с той лёгкостью, с которой носил её всю жизнь.

Том Реддл заметил его в первый же вечер — не мог не заметить. Не потому что Драко искал внимания (хотя, признаться, части его самолюбия было приятно его получать), а потому что сам Том, хоть и не подавал виду, искал в каждом новом лице подтверждение тому, во что уже начинал верить: что истинная сила и истинное место в мире принадлежат по праву крови, а не случаю рождения среди тех, кто эту силу боится и не понимает. Собственное происхождение — та рана, которую он никому не показывал, — тянуло его к тем,

у кого подобных ран не было. К аристократам. К чистокровным.

Первые несколько дней прошли в молчаливом присматривании — оба узнавали друг друга по книгам, которые каждый предпочитал держать при себе, а не на виду. Драко однажды застал Тома в углу гостиной с томом, обёрнутым в простую, ничем не примечательную обложку — не то, что читают на досуге для развлечения. Он узнал текст по одному взгляду на страницу — в библиотеке Малфой-мэнора хранилась похожая книга, надёжно запертая от посторонних глаз.

— Занятное чтение для первой недели в школе, — заметил Драко, опускаясь в соседнее кресло с наигранной небрежностью.

Том поднял взгляд — оценивающий, изучающий, тот самый взгляд, которым он мерил всех вокруг, прежде чем решить, стоит ли тратить на человека время.

— Занятное чтение для того, кто умеет отличить знание от того, что бояться знать остальные, — ответил он ровно. — Полагаю, вам, Малфой, эта разница знакома лучше многих.

Это было не приглашение к дружбе — скорее проверка, тонко замаскированная под комплимент. Драко, впрочем, слишком хорошо знал подобные проверки, чтобы не распознать их сразу, — и слишком хорошо умел на них отвечать.

— Знакома, — сказал он просто, и в этом коротком ответе было ровно столько подтверждения, сколько требовалось, не больше.

Настоящее сближение, впрочем, случилось не за книгами — оно случилось, когда декан Слизерина, ссылаясь на нехватку свободных комнат в год с бóльшим, чем обычно, набором учеников, поселил новоприбывшего наследника Малфоев в одной комнате со старостой факультета. Том воспринял новость с привычной невозмутимостью, но что-то в этой вынужденной близости — общее пространство, тишина по вечерам, нарушаемая лишь скрипом перьев по пергаменту, — сделало то, чего не смогли бы сделать никакие разговоры в гостиной.

Тот, с кем делишь комнату, рано или поздно перестаёт быть чужим — вне зависимости от того, насколько тщательно оба скрывают свои истинные мысли.

Разговоры, начавшиеся как осторожный обмен колкостями о превосходстве истинных волшебников над теми, кто недостоин своей магии, постепенно становились откровеннее. Драко, помня о собственной цели — прикинуться единомышленником, укрепить дружбу настолько, чтобы иметь хоть какое-то влияние на решения Тома в будущем, — с готовностью поддерживал каждую его мысль о могуществе чистокровных, о слабости магглорождённых, о праве, которое старая кровь несёт с собой по умолчанию. Это давалось на удивление легко: и потому что он умел лгать красиво, годами оттачивая это умение в собственном доме, и потому что часть этих слов — чего Драко предпочитал себе не признавать в моменты откровенности с самим собой — всё ещё зву-

чала для него не так уж и чуждо.

Но не только тьма связывала их. Были и вечера на квид-дичном поле, где Драко, никогда прежде не встречавший равного себе соперника в скорости реакции, обнаружил в Томе неожиданно азартного, ловкого противника — и впервые за долгое время смеялся по-настоящему, без расчёта, без притворства, когда оба вымокли под внезапным осенним дождём, гоняясь за снитчем дольше, чем требовала простая тренировка. Были шутки, которыми обмениваются мальчишки поздно вечером, когда усталость снимает даже самые надёжные маски, — глупые, беззлобные, ничего не значащие для истории, но значащие всё для двух подростков, один из которых никогда прежде не позволял себе быть просто подростком.

Том Реддл, которого весь мир — и будущий, и этот — знал или узнает как человека, неспособного любить никого, кроме себя самого и собственных амбиций, поймал себя однажды поздней ночью, лёжа без сна и слушая ровное дыхание спящего соседа, на мысли, странной и незнакомой настолько, что он не сразу понял, как её называть.

У меня, кажется, есть друг.

Мысль эта пришла тихо, без фанфар, без того трепета, каким сопровождаются откровения в книгах, — но она пришла, и он, вопреки собственной привычке немедленно анализировать и препарировать каждое чувство до полного его обесценивания, позволил ей на этот раз просто остаться.

Глава 12. Заметить

Первые две недели дались Гермионе тяжелее, чем она готова была признать даже самой себе. Она приехала в прошлое с чётким планом — сблизиться с Томом Реддлом, стать той дружеской опорой, которой ему так не хватало, изменить ход событий силой одной лишь искренней привязанности. План, выношенный долгими ночами на чердаке Норы, казался таким логичным, таким выполнимым. Реальность оказалась куда упрямее теории.

За общим столом на ужинах она то и дело ловила взглядом, как Реддл и Малфой сидят рядом — сначала просто рядом, потом всё ближе, обмениваясь короткими фразами, которые не долетали до гриффиндорского стола, но которые безошибочно читались по языку тела: лёгкий кивок, тень усмешки, то особое молчаливое понимание, что возникает между людьми, которые начинают друг другу доверять. На совместных уроках — зельеварении, защите от тёмных искусств — она видела уже не просто вежливое соседство, а нечто похожее на дружбу: однажды до неё донёсся смех, тихий, сдержанный, но самый настоящий смех, и Гермиона с удивлением поняла, что смеялся именно Реддл — человек, о котором ей рассказывал Гарри, пересказывая воспоминания из Омута памяти, как о мальчике, неспособном на искреннюю радость.

А для них самих, казалось, Гермиона попросту не существовала. Она была для них воздухом — привычной деталью факультетского пейзажа, не более. Только Драко, единственный, вопреки всему, замечал её — но замечал так, что от его серых, ледяных глаз, останавливавшихся на ней в коридорах, хотелось скорее спрятаться, чем радоваться вниманию. В каждом его взгляде читался вызов, будто он безмолвно спрашивал: *ну и что ты сделаешь теперь, Грейнджер?*

Гермиона, привыкшая всю жизнь быть первой — первой поднимать руку, первой сдавать эссе, первой находить решение, — не находила себе места от этой невидимости. Раздражение копилось день за днём, пока не нашло выход.

Она подстерегла его после уроков возле заброшенного кабинета на третьем этаже — коридор в этот час обычно пустовал — и, не давая себе время передумать, схватила Малфоя за рукав мантии и втащила внутрь. Он, к её удивлению, почти не сопротивлялся.

Дверь захлопнулась. Гермиона вцепилась в грудки его мантии, притянув его к себе так близко, что видела собственное отражение в серебре его глаз, и почувствовала, что срысывается на крик прежде, чем успела сформулировать первый вопрос спокойно:

— Какого чёрта, Малфой? Что ты здесь забыл? Смерти Дамблдора тебе было мало? Решил примкнуть к Волан-де-Морту ещё в начале пути — чтобы стать его правой рукой пораньше?

Она ждала защиты, оправданий, привычной высокомерной колкости — чего угодно, кроме того, что произошло на самом деле: Драко смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде, вопреки её ярости, разгоралось что-то совершенно неуместное этой сцене. Её дыхание было близко — слишком близко, — и он с раздражением осознал, что не может сосредоточиться ни на одном её слове, потому что всё его внимание занимало расстояние в несколько сантиметров между их лицами.

Он усмехнулся — медленно, с наслаждением, явно её этим взбесив ещё сильнее.

— Что, Грейнджер, — произнёс он, чётко чеканя каждое слово, придвигаясь ещё ближе, — тебя гложет, что здесь ты вдруг не первая? Твои дружки снова кинули тебя на амбразуру, или ты сама вызвалась? Ну почему ты преследуешь меня повсюду...

Гермиона отпрянула так резко, будто обожглась. Она ожидала многого — но не того, что вся эта сцена его попросту забавляет. Её ненависть, её обвинения — логичные, обоснованные обвинения — не задели его ни на йоту, будто были для него не более чем остроумной репликой в привычной игре.

Гнев, смешавшись с чем-то похожим на унижение, захлестнул её с новой силой. Она развернулась, хлопнула дверь так, что где-то в коридоре отозвалось эхо, и выбежала прочь, не оглядываясь.

Драко остался один в пустом кабинете — всё ещё улыбаясь, вдыхая остатки её присутствия, аромат, который она оставила за собой, и не спешил разбираться в том, что означала эта неуместная, совершенно несвоевременная тёплая волна где-то под рёбрами.

На углу коридора, в тени ниши, из которой открывался вид на дверь заброшенного кабинета, стоял Том Реддл. Он видел, как одна за другой оттуда вышли Гермиона и Малфой, не выдал своего присутствия ни звуком, ни движением — лишь проводил обоих внимательным, изучающим взглядом. Эпизод отложился в его памяти с той аккуратностью, с которой он привык хранить всё, что могло однажды пригодиться.

Девочка с Гриффиндора. У неё, отметил он про себя, было имя. Он его запомнил.

В ту же пятницу оба факультета встретились на зельеварении. Тема урока — исцеляющее зелье от лёгких проклятий — считалась одной из самых капризных в программе года: сложный состав, точность в очередности ингредиентов, зелье, которое с первого раза не получалось практически ни у кого.

Гермиона, разумеется, за всё лето успела не только проштудировать учебники следующего курса, но и попрактиковаться в приготовлении — привычка, ставшая её второй натурой задолго до путешествия во времени. Зелье вышло у неё безупречным с первой попытки — насыщенного, ровного оттенка, именно такого, какой описывался в идеальном

образце учебника.

Класс отреагировал искренним восторгом — одобрительные кивки, даже неожиданные аплодисменты нескольких однокурсников. Реддл, сам считавшийся одним из лучших в приготовлении зелий на курсе, поднял взгляд от собственного котла и задержал его на ней — на секунду дольше, чем требовала простая констатация чужого успеха.

Гермиона, поймав этот взгляд, не удержалась и улыбнулась ему — робко, но искренне.

Он отвёл глаза первым.

От его внимания, впрочем, не ускользнуло и то, что происходило дальше: на последующих уроках защиты от тёмных искусств и зельеварения девушка с Гриффиндора неизменно знала ответ на любой вопрос преподавателя раньше остальных, а её доклады выделялись глубиной, какой не отличались работы даже старшекурсников. Реддл, ценивший ум превыше почти всего остального в этом мире, начал следить за ней внимательнее, чем сам готов был себе в этом признаться.

В один из четвергов Гермиона, как обычно, засиделась в библиотеке допоздна — на этот раз над трактатами о волшебных травах и магических существах, необходимых для следующей темы по зельеварению, — хотя, если быть честной с собой, часть этого усердия была рассчитана не только на профессора. Она надеялась, что рано или поздно подобное старание будет замечено — тем единственным человеком в замке, ради которого она вообще сюда явилась.

Тень легла на страницу книги раньше, чем она услышала шаги.

Гермиона подняла взгляд — и сердце на мгновение остановилось. Перед ней стоял Том Реддл. В голове вспышкой пронеслись образы того, кем он станет, — кровь, смерть, зал, полный тел, — и дыхание перехватило от предательского, острого страха, смешанного с чем-то вроде вины за одно только своё присутствие рядом с ним.

Но он улыбнулся — легко, почти по-мальчишески, — и заметил с тихой иронией, что неудивительно, откуда у неё ответы на все вопросы профессоров, если она проводит вечера, зарывшись в книги вместо того, чтобы, как остальные, тратить время на пустую болтовню в гостиной. Добавил, что Гриффиндору, кажется, наконец повезло с действительно достойным учеником.

Гермиона, всё ещё не оправившись от вихря собственных мыслей, выдавила что-то в ответ — неловкое, но искреннее, — и, к своему удивлению, он не ушёл. Сел напротив, взял в руки один из раскрытых томов, будто это было самым естественным делом на свете.

С того вечера подобные встречи в библиотеке — поздние, почти всегда случайные на первый взгляд — стали происходить всё чаще. Разговоры затягивались дольше, чем следовало бы для простого академического интереса; острота её ума, быстрота, с которой она подхватывала и разворачивала его собственные мысли, находила неожиданные возражения

там, где он не ждал спора, — всё это медленно, но верно начинало притягивать Тома Реддла куда сильнее, чем он сам был готов признать.

Глава 13. Ночные мысли

Сон не шёл.

Гермиона лежала на спине, глядя в полог кровати — тот же самый узор, что и в её собственном времени, и одновременно совершенно другой, потому что каждая нить в нём была соткана на полвека раньше, чем положено, — и мысли, вместо того чтобы утихнуть, закручивались всё туже, утягивая её в собственные чертоги разума, откуда, казалось, не было выхода.

Что здесь делает Малфой?

Вопрос этот преследовал её с самого первого вечера в Большом зале и не желал находить ответа. Как он вообще узнал о существовании способа перемещаться во времени на годы, а не на часы? Насколько древней и насколько могущественной должна быть магия рода Малфоев, чтобы располагать подобным — то, чем не располагало даже Министерство, то, что Дамблдор доверил ей одной, как редчайшую и опаснейшую тайну?

Она подавила желание застонать в подушку.

Настоящая, впрочем, задача была не в Малфое. Задача была в Реддле — и именно она не давала покоя сильнее всего. Как перетянуть его на светлую сторону? Как заставить мальчика, которого она видела на уроках — умного, обаятельного, временами даже по-настоящему смешного, — не

превратиться однажды в чудовище, которое унесло столько людей, которых она любила?

То, каким она увидела его вблизи, разбивало ей сердце сильнее, чем она готова была признать. Он оказался обычным. Мрачным, да, замкнутым, да — но обычным подростком, таким же, каким были Гарри и Рон в её время: со своими шутками, своим азартом на уроках, своей потребностью, чтобы его заметили. Мысль о Гарри и Роне отозвалась острой тоской где-то под рёбрами — она отогнала её усилием воли, не сейчас, только не сейчас.

План, который она вынашивала долгими ночами на чердаке Норы — простой, ясный план: подружиться с Томом, дать ему то тепло, которого ему так не хватало, спасти будущее одной лишь искренней привязанностью, — на практике оказался куда более хрупким, чем в теории. Реальность отказывалась складываться по её сценарию.

Она невольно усмехнулась в темноте — горько, невесело. Ну разумеется. Сближение Малфоя с Реддлом было до отвращения логичным: чистота крови, врождённая уверенность в собственном превосходстве, презрение к тем, кто ниже по рождению, — Драко идеально подходил на роль того, кто подтолкнёт Тома к пропасти ещё быстрее, чем это случилось без его вмешательства в изначальной истории. Их дружба не удивляла её нисколько.

Удивляло другое: зачем здесь сам Драко?

Неужели он узнал о её намерениях? Прознал каким-то об-

разом о записке Дамблдора и решил явиться сюда, чтобы помешать? Мысль была абсурдной, и она тут же отмела её: тайну о маховике времени она хранила безупречно, рассказала Гарри и Рону лишь накануне собственного перехода — в ту же самую ночь, что и отправилась. Никто не мог узнать. Никто не успел бы.

Тогда зачем?

Ответа не было — только глухое, тревожное чувство, что от Драко Малфоя, чем бы он здесь ни занимался, вряд ли стоило ждать чего-то хорошего. Слишком много лет она видела его на одной-единственной стороне баррикад, чтобы поверить в благородство мотива без доказательств.

Но как бы то ни было — приходилось признать с раздражением, обжигавшим сильнее любой обиды: успехи Малфоя были пока что куда весомее её собственных. Он уже был рядом с Томом. Они разговаривали, смеялись, держались друг друга с той сдержанной, холодноватой близостью, что отличает истинных слизеринцев, — но именно держались вместе, в то время как она оставалась снаружи, наблюдательницей, для которой пока не нашлось места в этом уравнении.

Что же делать? Как вырвать Тома из лап Драко, прежде чем будет слишком поздно?

Мысль эта повторялась снова и снова, теряя чёткость с каждым разом, пока где-то на исходе очередного круга собственных рассуждений Гермiona, обессилив, наконец не провалилась в сон.

Глава 14. По другую сторону подземелий

Спальня тонула в темноте, нарушаемой только слабым свечением углей в камине — Реддл уже спал, ровно и неподвижно, как спит человек, привыкший держать под контролем даже собственные сны. Драко впервые за последние дни позволил себе расслабиться — плечи, которые он весь день держал напряжёнными, наконец опустились, и в это самое мгновение, когда бдительность ослабла, в голову некстати вернулась сцена в заброшенном кабинете. Её руки на его мантии. Её дыхание, слишком близкое, слишком тёплое для той ярости, что клокотала в её голосе.

Драко. О чём ты вообще думаешь. Сейчас совершенно не время.

Он с раздражением отогнал воспоминание и заставил мысли вернуться в более безопасное русло — к анализу собственного положения. С Реддлом расслабиться по-настоящему не удавалось никогда: приходилось постоянно взвешивать каждое слово, выдавать его собственные убеждения за свои, соглашаться там, где внутренне многое вызывало сомнение. Впрочем, ничего нового — светская жизнь в доме Малфоев с детства приучила его к подобному лицемерию, оттачиваемому за обеденным столом отца не хуже, чем заклинания на уроках. И всё же лёгкая усталость от постоян-

ного притворства давала о себе знать сильнее, чем он ожидал.

Стоило признать, впрочем, что успехи были налицо. Реддл делился с ним мыслями, которые, Драко готов был поспорить, не доверял больше никому в этом замке; они вместе ходили в Большой зал, вместе засиживались за учебниками — и порой, в самые неожиданные моменты, Драко видел в нём не будущего Тёмного Лорда, а просто мальчишку. Настораживающе обычного мальчишку.

Как этот парень станет способен на то, что он сделает? Что должно пойти настолько не так? Где та черта, за которой для него уже не будет пути назад?

Ответа не находилось — но одно Драко знал точно, знал с той же уверенностью, с какой знал собственное имя: разговор со Слизнортом о крестражах не должен состояться. Ни в этом году, ни в следующем. Никогда, если получится это предотвратить.

Профессор, к слову, уже пригласил обоих на один из своих знаменитых вечеров для избранных учеников — Слизнорт, одержимый блеском своих подопечных, конечно же, заметил и Грейнджер тоже. Ну разумеется. Это уже случилось однажды, в его собственном времени, — почему бы не повториться и здесь: неизменно, невыносимо осведомлённая обо всём на свете отличница притягивала внимание профессора как магнит.

Мысли невольно вернулись к той, прошлой вечеринке —

их настоящего времени, их собственных лет в Хогвартсе. Тогда к Гермионе весь вечер липнул какой-то тип, и Драко это раздражало — раздражало настолько, что он до сих пор помнил вспышку глухого недовольства, хотя тогда так и не позволил себе разобраться, откуда она взялась.

А она красива.

Мысль пришла сама, без спроса, и он поймал себя на ней прежде, чем успел одёрнуть. Том тоже заметил — Драко видел это не раз: короткие, но неслучайные взгляды на занятиях, что-то похожее на восхищение, промелькнувшее в обычно непроницаемом лице. Впрочем, разговоров между ними Драко пока не замечал — ситуация оставалась, как он предпочитал думать, под контролем. Он ближе к Тому. Он уже друг. А вот с этой выскочкой стоило держать ухо востро — неизвестно, что она может учудить, оказавшись рядом с Реддлом без присмотра.

И всё же — где-то под слоем этой настороженности, признался он себе с неохотой, — *я рад, что с ней всё в порядке.*

Он почти не сомневался в её плане: она наверняка намерилась спасти весь волшебный мир одним махом — исправить «непринятого» Тома, спасти потерянную душу, исцелить его той самой безоговорочной, самоотверженной дружбой, какой связаны она, Поттер и Уизли. Как это на неё похоже. Как это по-гриффиндорски наивно — и как это по-настоящему храбро, признал он с неохотой.

И как они вообще могли отпустить её одну?

Мысль эта отозвалась неожиданным раздражением на Поттера и Уизли — хотя, впрочем, они никогда её особенно не берегли, если вспомнить всё, через что она прошла рядом с ними. Гриффиндорцы. Вечно жертвуют собой, никогда друг другом.

Откуда только у неё взялась подобная власть над временем? Неужели её знания настолько глубоки, или в одной из бесконечных прочитанных ею книг сыскался тайный секрет управления временем, недоступный даже Министерству? Он не мог не признать — пусть и с неохотой — притягательность, исходящую от её ума. Раздражающую, неуместную, но настоящую притягательность.

Наши цели, в сущности, близки.

Она не знает, что он здесь ради того же самого — только другим путём. Путём, на котором, если потребуется, придётся убить. Он возьмёт эту ношу на себя один — Волан-де-Морт должен быть устранён, любой ценой, даже той, которую ни один нормальный человек не должен платить в семнадцать лет. Она ненавидит его — и, положив руку на сердце, вполне заслуженно, учитывая всё, что он сделал в их времени. Пытаться завоевать её доверие, раскрыть ей истинные намерения было бы попросту смешно: она не поверит ни единому слову.

Буду действовать сам. Лишь бы не мешала.

Он повторил это внутреннему голосу с нажимом, будто произнося клятву: держаться подальше от этой девчонки.

Никакого сближения. Не ближе, чем разница в пару парт на занятиях, не ближе десяти метров в коридорах — ежедневно, без исключений.

Малфой, соберись. Драко. Не мешай ей — и не позволяй себе мешать самому. Второго шанса избавиться от тёмного, могущественного волшебника у тебя не будет.

С этой мыслью, звучавшей внутри куда увереннее, чем ощущалась на деле, он наконец закрыл глаза — хотя сон, когда пришёл, оказался беспокойным, полным янтарных глаз, вспыхивающих яростью в тесноте заброшенного кабинета.

Глава 15. Расписание

Осень 1943

Первую неделю сентября Беллатриса была счастлива так, как бывают счастливы люди, не привыкшие к счастью: осторожно, прислушиваясь, не спугнёт ли его собственное дыхание.

Он встретил её на платформе. Не ждал, нет: стоял, заложив руки за спину, и говорил о чём-то с кем-то из старост. Но когда она сошла по ступеням вагона, он повернул голову, и она поняла, что смотрел он именно на её дверь.

— Белла.

Только имя. Она запомнила, как оно прозвучало: будто он держал его всё лето и теперь возвращал на место.

В замке всё складывалось так, как она не смела надеяться. За слизеринским столом справа от него оставался пустой стул, и когда она подошла, он без слова чуть отодвинул тарелку. В гостиной, у камина, где сидели его ближайшие, Эйвери, Мальсибер, Нотт, он, когда остальные начали подниматься, сказал: «Белла остаётся». И никто не спросил почему. Раньше он советовался с ней наедине, и она считала это знаком особой близости. Теперь он делал это на людях. Остальные замолкали, когда она говорила. Впервые в жизни ей не пришлось отвоёвывать место: его отдали.

— Достойно, — сказал он однажды, когда она нашла

ошибку в расчётах Мальсибера, и сказал так, что слышали все. Она потом полночи лежала с открытыми глазами и перебирала это слово, как перебирают монеты.

Он по-прежнему ничего ей не дарил. Ни ленты, ни книги, ни пера. Она ловила себя на том, что ищет в его вещах, на его столе хоть что-то, выбранное для неё, и не находила, и говорила себе, что вещи для слабых. Слов у него хватало, и она жила на них, как живут на скудном, но верном жалованье.

* * *

Она знала его расписание лучше собственного, и потому первой заметила, когда оно сломалось.

По вторникам он задерживался у Слизнорта. По четвергам до десяти сидел с ней в пустом классе трансфигурации над схемами, а потом уходил в библиотеку, и она не спрашивала зачем. По пятницам исчезал на несколько часов: об этом они оба молчали. Она выучила эти часы так, как выучивают бой башенных часов: не слушая, но вздрагивая, если вдруг не ударит.

В первый четверг октября не ударило.

— Сегодня без меня, — сказал он за ужином, не поворачивая головы. — Дела.

— Какие?

— Библиотека.

— Я могу пойти с тобой.

— Не сегодня.

Она кивнула. Блэки не настаивают. Но когда он встал, она

увидела, как его взгляд на мгновение скользнул по столу и задержался на соседнем месте, где сидел новенький, и тот, не поднимая глаз от тарелки, едва заметно кивнул.

Это был первый раз, когда она подумала о Малфое всерьёз.

* * *

О нём стоило подумать раньше, и она сердилась на себя, что не подумала.

Он появился в первый же вечер: серебристо-белые волосы, прямая спина, фамилия, при которой старые рода переглядываются. Шляпа не успела договорить, а за слизеринским столом уже стояло ровно столько почтительной тишины, сколько полагается наследнику Малфоев. Вместе с ним Шляпа определила в Гриффиндор какую-то девчонку из-за границы, и Беллатриса не удостоила её и взгляда: гриффиндорка, магглорождённая по повадкам, с вечно поднятой рукой. В их мире такие значили не больше, чем облако над озером.

А Малфой значил. Он значил с первых дней, потому что его поселили в одной комнате с Томом.

Сначала это казалось ей даже удобным: новичку нужен проводник, а Том умел быть проводником. Потом она заметила, как они сидят за завтраком: сначала рядом, потом всё ближе, обмениваясь короткими фразами, которых не слышал никто. Заметила, как по вечерам, в углу гостиной, они читают одну и ту же книгу в ничем не примечательной об-

ложке и переворачивают страницы почти одновременно. Заметила, что Том смеётся.

Не вежливо, не расчётливо. Тихо, коротко, по-настоящему. Она слышала этот смех, может быть, дважды за все годы, и оба раза он принадлежал ей. Теперь он звучал за соседним столом, над тарелкой с овсянкой, и принадлежал человеку, которого Том знал месяц.

Он забрал его, думала она, глядя на серебристую макушку. Пришёл и забрал.

Мысль была глупой, она знала. Том не вещь, и забрать его нельзя. Но другой мысли у неё не было, а эта хотя бы указывала, куда направить гнев.

* * *

Она поймала Малфоя одного в конце октября, поздно вечером, у догорающего камина в пустой гостиной. Том ушёл на очередную из своих отлучек. Малфой остался с книгой и, увидев её, поднялся: безупречно, ровно настолько, чтобы выказать уважение и не выказать больше.

— Мисс Блэк.

Он знал её имя. Конечно, знал: в их кругу не оставалось тех, кто его не знал.

— Сядь, — сказала она. — Мне любопытно.

Он сел. Она осталась стоять, чтобы смотреть сверху вниз, как её учили.

— Тебе нравится здесь, Малфой?

— Здесь хорошо.

— Том не любит, когда занимают чужое место.

— Я ничьего места не занимаю, — произнёс он спокойно, и в этом спокойствии не было ни вызова, ни страха. — Он сам решает, с кем ему сидеть.

Это было правдой, и потому ударило сильнее любого оскорбления. Она хотела сказать что-нибудь ядовитое, острое, из тех фраз, которыми Блэки разделявают людей за чаем. Слова не пришли, потому что она вдруг заметила, как он на неё смотрит.

Не оценивающе и не враждебно. Слишком долго и слишком внимательно, с каким-то странным выражением, которому она не сразу подобрала название. Так смотрят на человека, о котором что-то знают и жалеют, что знают. Так, будто он видел не её, а кого-то, кто стоит сразу за ней.

— Не смотри на меня так, — сказала Беллатриса.

— Простите.

— Мне не нужна жалость.

— Я не жалею, — сказал он, и ей показалось, что это ложь. — Просто хотел сказать... Вам не нужно бояться, что я у вас что-то отнимаю.

— Я не боюсь.

— Тогда извините.

Он взял книгу и ушёл наверх, ровно, не оглядываясь. Она осталась у камина, злая и растерянная. Она не понимала, почему слова «вам не нужно бояться» прозвучали как предупреждение, и почему оно было адресовано не ей одной.

Приглашение от Слизнорта пришло на следующий день: тонкий кремовый конверт с золотым обрезаом, как всегда. Том показал ей свой, потом конверт Малфоя. Слизнорт позвал обоих. Её конверт лежал в её собственной сумке: она тоже была в списке.

— Ты идёшь? — спросил Том, и в его голосе не было ни просьбы, ни приказа, только вопрос.

Она посмотрела на конверт. Можно было пойти и сидеть рядом, смотреть, как он улыбается Слизнорту и как они с Малфоем обмениваются взглядами через стол. Можно было остаться и лечь спать с мигренью, которая, впрочем, действительно подбиралась к вискам.

— У меня болит голова, — сказала она.

— Как знаешь.

Он не стал настаивать. Она заметила это, и в груди что-то сжалось. Он спокойно убрал конверт во внутренний карман и пошёл вниз, где его ждал Малфой.

Она легла рано. За окном шёл дождь, тяжёлый, осенний, с сырым запахом камня и мокрых листьев, и в спальне было тихо. Она лежала в зелёном полумраке и слушала, как капли стучат по стеклу, и думала, что сегодня, может быть, он вернётся и расскажет ей что-нибудь, как раньше.

Она уснула, не дождавшись.

Позже она будет вспоминать этот вечер как самую страшную ошибку своей жизни: она спала, пока в нескольких эта-

жах от неё что-то менялось.

Глава 16. Вечер у Слизнорта

Конец октября вступал в свои права уверенно и красиво: ветер за окнами замка становился всё настойчивее, последние листья облетали с деревьев у Чёрного озера, устилая землю плотным рыжим ковром, а сам учебный год набирал ту уверенную силу, с которой уже не сбавляют темпа до самого Рождества. В воздухе стоял тот особый осенний холодок, что бодрит, а не угнетает, — и именно в такой вечер, впервые в этом учебном году, гостиная профессора Слизнорта открыла двери для избранного круга его протеже.

Драко и Том явились одними из первых — как и полагалось тем, кто твёрдо знал себе цену. Они стояли у камина с бокалами шампанского, неспешно обсуждая что-то, судя по интонации Тома, связанное с последними теоретическими изысканиями по трансфигурации, и со стороны производили впечатление, которое Слизнорт не преминул отметить про себя, разливая напитки для следующих гостей.

Какая пара. Гораций искренне гордился собой в такие моменты — способность разглядеть будущее величие раньше, чем оно проявит себя миру, он считал главным своим талантом, куда более ценным, чем собственно преподавание зельеварения. Том Реддл — блистательный, безупречный во всём, за что бы ни брался, — обзавёлся другом, да ещё каким: наследник рода Малфоев, древняя кровь, безукориз-

ненные манеры. Определённо, эта парочка заслуживала особого внимания; пожалуй, стоит после ужина увести обоих в сторону для отдельной, более доверительной беседы — Гораций не сомневался, что перед ним будущие великие волшебники, из тех, что не забывают своих учителей, когда придёт время благодарности.

Другие гости вечера были по-своему примечательны — способные, амбициозные, из хороших семей, — но рядом с Томом и Драко казались чуть менее отчётливыми, будто свет в комнате сходил на этих двоих сам собой.

В дверь постучали. Слизнорт поспешил открыть — и на пороге, отряхивая с плеч капли начавшегося на улице дождя, стояла Гермиона Грейнджер.

Магглорождённая — да, Гораций помнил об этом происхождении прекрасно, вот только за два неполных месяца эта девочка успела продемонстрировать такую глубину знаний и такую скорость мысли, каких он, пожалуй, не встречал за все годы преподавания. Настоящая жемчужина его коллекции, думал он с почти отцовской гордостью, помогая ей снять с плеч мокрое от дождя пальто. Великое будущее — он не сомневался в этом ни секунды.

Для вечера вне стен школы Гермиона выбрала шёлковое платье глубокого бордового оттенка — длинное, но облегающее хрупкую фигуру ровно настолько, чтобы выглядеть элегантно, а не вызывающе; волосы, обычно своевольные, были аккуратно собраны на затылке, и несколько выбившихся

прядей обрамляли лицо, будто бы случайно, хотя случайно-сти здесь явно было куда меньше, чем часов, проведённых перед зеркалом.

Драко, стоявший у камина, невольно задержал взгляд на цвете платья и усмехнулся про себя: бордовый, оттенок, слишком близкий к гриффиндорскому алому, чтобы быть простым совпадением. *Даже здесь верна себе.* Второй мыслью, куда менее уместной и куда более раздражающей его самого, пришло удивление: *невероятно — она, оказывается, умеет справляться с этими волосами.*

Оживлённый разговор с Томом заметно стих сам собой — Драко не сразу понял почему, пока не проследил за направлением его взгляда.

Том смотрел на неё. И — что было куда красноречивее самого взгляда — он улыбнулся.

Так. Это ещё что такое?

Прежде чем Драко успел сформулировать хотя бы отдалённое подобие ответа на собственный вопрос, Том уже пересёк комнату — неспешно, с той характерной сдержанной грацией, которая обычно приберегалась для куда более значимых случаев, — и остановился рядом с Гермионой, чтобы помочь ей снять с плеч влажное пальто, хотя Слизнорт уже сделал это мгновением раньше. Они обменялись парой фраз — что-то про новое заклинание с последнего занятия по защите от тёмных искусств, судя по обрывку, долетевшему до камина, — и оба улыбнулись друг другу с той лёгко-

стью, которая обычно зарабатывается не за один случайный разговор в библиотеке.

Когда. Когда это успело случиться.

Драко почувствовал, как в груди сжимается что-то неприятное, холодное, чему он пока отказывался подбирать имя. Он лихорадочно принялся перебирать в памяти последние недели — и с раздражением осознал, что не может с точностью сказать, куда именно дважды в неделю по вечерам исчезает его сосед по комнате, возвращаясь порой уже далеко за полночь. Он предполагал — почти не сомневался, — что дело в поисках редких книг по тёмной магии где-то в закрытых секциях библиотеки.

Ну разумеется. Книги. Драко мысленно скривился. Наверняка эта выскочка нашла подход к нему именно через них — через ум, через редкие тексты, через ту самую жадную тягу к знаниям, которая была общей чертой их обоих. *Кто владеет информацией — тот владеет миром.* Она, видимо, решила использовать это в качестве оружия — сознательно или нет, уже не имело значения.

Он отставил бокал резче, чем намеревался, и шампанское опасно качнулось у самого края.

* * *

Ужин начался с того, чего Драко втайне опасался с той самой секунды, как Том отошёл от камина: Слизнорт, обожавший рассаживать гостей по собственному хитроумному разумению — «чтобы искры летели, мой мальчик, именно из

удачной рассадки рождаются лучшие вечера!» — определил Гермionу по левую руку от Тома. Себе, конечно же, профессор оставил почётное место во главе стола, откуда мог одинаково любовно наблюдать за обоими своими вундеркиндами сразу.

Драко достался стул наискось, достаточно близко, чтобы слышать каждое слово, и достаточно далеко, чтобы быть от этого разговора безнадёжно, раздражающе исключённым.

Беседа за столом текла привычным для таких вечеров руслом — Слизнорт с упоением расспрашивал гостей об успехах, вворачивая между делом истории о собственных имени-тых учениках прошлых лет, чьи имена теперь красовались на страницах «Пророка». Гермiona отвечала с той лёгкостью, что приходит только от подлинного интереса к предмету, а не от желания произвести впечатление, — и именно это, Драко видел совершенно отчётливо, притягивало Тома куда сильнее, чем притянула бы любая наигранная скромность.

— А как тебе последняя теория Гарпера о свойствах остаточной магии в артефактах? — спросил Том, наклонившись чуть ближе, чем требовала простая застольная вежливость.

— Устаревшая, — без промедления ответила Гермiona, и в её голосе прозвучал азарт, который Драко узнал бы где угодно — тот самый, с каким она годами поднимала руку на уроках, слишком быстро, слишком уверенно для всех, кто предпочитал не выделяться. — Гарпер не учитывает эффект временного затухания при контакте с чужеродной магиче-

ской подписью. Если взять хотя бы пример с зачарованными зеркалами...

Она продолжила — быстро, увлечённо, приводя примеры один за другим, — и Том слушал её с выражением лица, которое Драко видел прежде считанные разы: неподдельный, ничем не замаскированный интерес, не имеющий отношения к вежливости или манерам.

Том на секунду замолчал. Он слушал, но смотрел будто сквозь стол: так же быстро и так же азартно когда-то разбирала Гарпера другая девушка, с мелом в руке, в пустом классе трансфигурации, и спорила с ним, пока за окном не погас закат. Мысль мелькнула и растаяла, и он вернулся к её голосу, к её улыбке, к свече между ними.

— Занятно, — произнёс Том, когда она закончила, и уголок его губ дрогнул в едва заметной, но абсолютно искренней улыбке. — Не думал, что кто-то на курсе вообще читал Гарпера, не говоря уже о том, чтобы найти в его теории изъян за один вечер.

— Я читаю многое, — сказала Гермиона, и в её тоне, к неудовольствию Драко, прозвучало что-то похожее на кокетство — робкое, непривычное для неё, но безошибочно узнаваемое.

Драко почувствовал, как вилка в его руке сжимается сильнее, чем того требовал совершенно безобидный кусок фазана на тарелке.

— В таком случае, — сказал он, вклиниваясь в разговор

прежде, чем успел удержать себя от этого порыва, — тебе стоит быть осторожнее с подобными теориями, Грейнджер. Остаточная магия — материя капризная. Слишком уверенное обращение с тем, чего до конца не понимаешь, обычно плохо заканчивается.

Голос вышел ровным, светским, идеально отточенным для подобных вечеров — и всё же за этой отточенностью безошибочно читалось нечто личное, обращённое явно не к теории Гарпера.

Гермиона повернулась к нему — впервые за весь вечер удостоив прямым взглядом, — и в её глазах промелькнуло узнавание того же самого тона, каким он говорил с ней в заброшенном кабинете три недели назад.

— Как мило, что ты вдруг забеспокоился о моей осторожности, Малфой, — произнесла она, растягивая слова с той же светской, безупречно вежливой холодностью. — Не припомню, чтобы тебя прежде так волновало моё благополучие.

За столом на мгновение повисла пауза — достаточно ощутимая, чтобы её заметил даже Слизнорт, увлечённо разливавший десертное вино соседнему гостю.

Том перевёл взгляд с одного на другую — медленно, с тем спокойным, оценивающим вниманием, с каким привык наблюдать за любым конфликтом, — и на его губах снова мелькнула тень улыбки, на этот раз иного рода.

— Вы, кажется, уже знакомы, — заметил он, ни к кому конкретно не обращаясь, но явно наслаждаясь тем, что про-

исходило перед ним.

— Наслышаны друг о друге, — коротко ответил Драко, не отрывая взгляда от Гермионы.

— Более чем, — эхом отозвалась она, и в её голосе, вопреки холодности слов, Драко безошибочно расслышал то же самое напряжение, что чувствовал сам.

Слизнорт, уловив наконец повисшую за столом искру, расплылся в довольной улыбке — именно из таких моментов, был убеждён профессор, и рождаются самые интересные истории, которые потом с гордостью вспоминают на юбилейных встречах бывших учеников.

Том же молчал ещё несколько секунд дольше необходимого, переводя взгляд с раскрасневшегося от еле сдерживаемого раздражения лица Драко на прямую, вызывающую осанку Гермионы — и что-то в этом безмолвном сопоставлении явно доставляло ему больше удовольствия, чем весь фазан вместе с остаточной магией Гарпера.

— Что ж, — произнёс он наконец, поднимая бокал в лёгком, почти шутовском жесте, — тогда нам определённо стоит устраивать подобные вечера почаще.

Драко не смог заставить себя улыбнуться в ответ. Гермиона, впрочем, тоже.

* * *

После ужина Слизнорт, верный своей привычке, увёл большую часть гостей в соседнюю комнату, где на низком столике уже дожидался поднос с кристаллизованным анана-

сом — фирменное лакомство профессора, которым он неизменно хвастался перед каждым новым набором учеников. Разговор распался на несколько кружков: кто-то обсуждал последние результаты квиддичного чемпионата, кто-то — свежий выпуск «Трансфигурации сегодня».

Драко оказался втянут в беседу с секикурником из Когтеврана, увлечённо расспрашивавшим его о родовой библиотеке Малфоев, — вежливость требовала отвечать, хотя всё его внимание было приковано к противоположному углу комнаты, где у высокого окна, чуть в стороне от общего шума, оказались Том и Гермиона.

— Признаться, я ожидал более скучного вечера, — заметил Том, глядя в тёмное стекло, за которым угадывались первые снежные крупинки, смешавшиеся с осенним дождём. — Слизнорт умеет собирать таланты, но не всегда умеет собирать интересных собеседников.

— А я, кажется, разочаровала твои ожидания в противоположную сторону, — сказала Гермиона, и в её голосе прозвучало что-то похожее на робкую гордость.

— Разочаровала, — согласился он, и, увидев, как на мгновение дрогнуло её лицо, добавил с едва заметной улыбкой: — В том смысле, что я не ожидал, что вечер окажется настолько нескучным именно благодаря тебе.

Она почувствовала, как тепло приливает к щекам, и порадовалась полумраку комнаты, скрадывавшему румянец.

— Ты производишь впечатление человека, которого слож-

но чем-либо удивить, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Обычно да. — Он повернулся к ней, и на секунду его обычно непроницаемое лицо стало почти открытым — редкость, которую она сохранила бы в памяти надолго, даже не зная, что происходит внутри него в этот момент. — Но ты, Грейнджер, кажется, делаешь это своей привычкой.

Разговор прервался — Слизнорт, заметив двух своих любимых учеников в стороне от общего веселья, направился было к ним с явным намерением вовлечь обоих в очередную беседу о будущих великих свершениях, — но остановился на полпути, отвлечённый вопросом другого гостя, и Том с Гермионой на мгновение снова остались наедине.

— Можно спросить у тебя кое-что личное? — произнёс Том, понизив голос настолько, что слова предназначались только ей.

Гермиона напряглась внутренне, хотя внешне постаралась сохранить спокойствие.

— Спрашивайте.

— Откуда ты на самом деле, Грейнджер? — Он смотрел на неё внимательно, оценивающе, с той же интонацией, с которой обычно разбирал сложную теорию на уроках. — Твои манеры, твои знания — они не вписываются в обычную программу иностранной школы. Ты говоришь о вещах, которых, кажется, ещё не должно существовать в учебниках. Откуда это?

Сердце Гермiony забилося быстрее — не от смущения на этот раз, а от настоящего страха. Она заставила себя улыбнуться, спокойно, будто вопрос её позабавил.

— Возможно, я просто много читаю, — сказала она, повторяя его же слова, сказанные ей несколько недель назад в библиотеке. — Как ты сам заметил.

Он несколько секунд удерживал на ней взгляд — испытующий, будто проверяя, не дрогнет ли она первой, — а затем, к её облегчению, коротко улыбнулся и отступил от темы.

— Что ж. Возможно, однажды ты расскажешь мне правду.

— Возможно, — ответила она, и в этом единственном слове было куда больше правды, чем она собиралась ему открыть.

Через комнату, поверх голов беседующих гостей, Драко наблюдал за этой сценой с растущим напряжением где-то под рёбрами — он не мог расслышать ни слова, но по одному тому, как близко друг к другу они стояли, как долго длился их разговор, он понимал: то, что он видел за ужином, не было случайностью.

Она играет с огнём, подумал он, стараясь убедить себя, что тревога, поднимавшаяся в груди, вызвана исключительно заботой о безопасности их общей миссии — и ничем иным.

Вечер подошёл к концу ближе к полуночи; расходились небольшими группами, пожелав профессору спокойной ночи. В коридоре, ведущем к слизеринским подземельям, Дра-

ко и Том шли молча — редкость для их обычно наполненных разговорами прогулок.

— Ты слишком долго беседовал с Грейнджер, — заметил наконец Драко, стараясь, чтобы это прозвучало между делом, а не как обвинение.

Том взглянул на него искоса, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство — новое, ещё не изученное им самим чувство отразилось на лице настолько явно, что даже Драко, не самый внимательный наблюдатель за чужими эмоциями, не смог этого не заметить.

— Она интересный человек, — сказал Том просто. — Тебя это задевает?

— Вовсе нет, — соврал Драко слишком быстро, и по короткой усмешке, мелькнувшей на губах Тома, стало ясно: ложь не осталась незамеченной.

Они дошли до входа в гостиную в молчании, и Драко, засыпая тем вечером, долго не мог найти покоя — мысли металась между двумя лицами, слишком часто в последнее время занимавшими его голову куда сильнее, чем позволяла его собственная миссия.

Глава 17. Расстояние

Правило десяти метров продержалось ровно девять дней.

Драко вёл счёт честно, как привык вести счёт любому долгу. Первые пять дней он справлялся безупречно. В Большом зале садился спиной к гриффиндорскому столу, на уроках занимал место на другом краю класса, в коридорах сворачивал в боковые проходы, едва замечал впереди знакомый узел волос. Один раз он даже прождал минут десять в нише за доспехами, пока Грейнджер пройдёт мимо, и ненавидел себя за это тем сильнее, чем дольше стоял.

На шестой день он заметил, что научился узнавать её шаги.

На седьмой поймал себя на том, что в Большом зале знает, во что она одета, не оборачиваясь: по тихому звуку, с которым она отодвигает стул, по чуть более громкому, когда сердится, по паузам между репликами, когда она молчит, потому что знает ответ и ждёт, пока другие замолчат.

На девятый день ему стало ясно, что правило не работает: десять метров между ними были лишь расстоянием, на которое он держал тело, а голова давно сократила это расстояние до нуля.

Но это ещё можно было пережить. Невыносимым стало другое.

* * *

Том уходил по четвергам.

Не каждый четверг, но чаще, чем нет, и никогда не объяснял куда. Драко знал это, потому что делил с ним комнату: слышал, как тихо открывается и закрывается дверь, как на пол ложится осторожная тень, как шаги растворяются в коридоре. Возвращался Том за полночь, спокойный, собранный, пахнувший старым пергаментом и холодным камнем. Драко ни о чём не спрашивал. Расспросы между ними были бы той самой чертой, которую переходить нельзя, пока не уверен в дружбе. А он не был уверен.

Однажды в четверг, в середине ноября, он остался после ужина в гостиной, дождался, пока Том поднимется по лестнице в спальню, взял тёмный плащ и, не давая себе времени передумать, двинулся следом.

Слежка не была его сильной стороной. Он вырос в доме, где любое подглядывание считалось делом низким и недостойным, где все важные вещи узнавались за обедом и шёпотом. Но в ту ночь он двигался по коридорам так бесшумно, что сам себе удивился. Том шёл быстро, не оглядываясь, мимо портретов, вверх по знакомой лестнице, и Драко с нарастающей тревогой понимал, куда ведёт этот путь.

Библиотека.

Он остановился за стеллажом в конце тёмной секции, там, где даже свеча не доставала. И увидел.

Они сидели за дальним столом, лицом друг к другу, и между ними лежала раскрытая книга. Грейнджер что-то рас-

сказывала, жестикулируя свободной рукой, и пламя ближайшей свечи колыхалось в такт её словам. Том слушал. Но слушал так, как Драко не видел его ни разу за все эти недели: подавшись вперёд, опершись подбородком на ладонь, без привычной маски ленивой снисходительности. Он смотрел на неё внимательно и жадно, словно боялся пропустить хоть слово.

Потом Грейнджер засмеялась.

Тихо, коротко, прикрыв рот рукой, чтобы не потревожить библиотекаршу. И Том улыбнулся ей в ответ. Не той холодной, дипломатической улыбкой, которую он носил в Большом зале, и не усмешкой, которой он приправлял колкости на занятиях. Это была улыбка человека, у которого впервые за долгое время что-то по-настоящему получилось.

Драко стоял в темноте за стеллажом и чувствовал, как холод, поднявшийся изнутри, заполняет грудь.

Это не ревность, сказал он себе тут же, привычно и жёстко, как отдают приказ солдату. *Это тревога. Тревога за миссию. Реддл сблизается с ней, она с ним, и если она позволит себе увлечься, то ошибка будет стоить всем нам.*

Аргумент был хорошим. Логичным. Его отец одобрил бы такую рассудительность.

Только вот руки, спрятанные под плащом, были сжаты так, что болели ногти.

Он ушёл так же тихо, как пришёл. В коридоре остановился у окна и долго смотрел на ночное озеро, пока дыхание не

выровнялось.

Пять метров, подумал он. Он знал, что это расстояние от него до того стола. *Нет. Четыре.*

* * *

В пятницу он не выдержал.

После ужина он зашёл в библиотеку «за книгой по рунам», как сказал бы любому, кто спросил, и выбрал стол в нескольких шагах от них: достаточно близко, чтобы слышать, достаточно далеко, чтобы не было похоже, что он подсел. Положил перед собой пергамент и перо, раскрыл первый попавшийся том и сделал вид, что читает.

Грейнджер заметила его почти сразу. Он почувствовал на себе её взгляд, острый, колючий, как иголка в ткани, и поднял голову с самым безразличным выражением лица.

Она беззвучно произнесла одними губами: *Что ты здесь делаешь?*

Он так же беззвучно ответил: *Читаю.*

Её глаза сузились. Она наклонилась к Тому, что-то сказала. Тот взглянул на Драко и приподнял бровь. Драко вернулся к книге. Строчки расплывались, он не понимал ни слова.

— Малфой, — прозвучал голос Тома. Спокойный, ровный, в котором не было ни тени удивления. — Присоединяйся.

Драко поднял глаза. Том смотрел на него, слегка склонив голову, и в его взгляде скользило что-то, что Драко не сумел сразу прочесть. Не недовольство, не раздражение. Ско-

рее любопытство, острое, оценивающее, как у человека, наблюдающего за интересным опытом.

— Я не хотел мешать.

— Ты не мешаешь. Мы как раз обсуждали, что такое сила.

Грейнджер напряглась, и Драко отчётливо уловил, как она едва заметно качнула головой. *Не надо.* Он проигнорировал это.

Он собрал свои вещи, подошёл и сел на единственный свободный стул, оказавшись по правую руку от Тома и напротив неё. Между ними лежала открытая книга, и её свет делал глаза Грейнджер почти янтарными.

Ближе, чем два метра.

— Так что же такое сила? — спросил Том, откинувшись на спинку стула.

Он спрашивал обоих, но смотрел только на неё. Драко отметил это, и что-то внутри царапнуло.

Грейнджер ответила не сразу. Помедлила, будто взвешивая каждое слово.

— Ответственность, — сказала она наконец. — Сила без ответственности превращается во власть над другими, а это уже совсем другое. Настоящая сила в том, что ты можешь сделать что-то и выбираешь не делать, когда знаешь, что это принесёт вред.

— Слабость называют так же, — заметил Том, но в его голосе не было насмешки. Он словно примерял ответ на вес.

— Нет, — возразила она. — Слабость не выбирает. Она

просто не может.

Том коротко кивнул. Что-то мелькнуло в его лице, и Драко понял, что ответ Тому понравился, и это ему совсем не понравилось.

— А ты, Малфой?

Драко открыл рот, готовый произнести привычную формулу, ту, что они с Томом уже много раз повторяли друг другу по вечерам: *сила в крови, в праве, в умении держать мир в порядке*. Фразу заученную и безопасную.

Но вместо неё вышло другое.

— Защита, — сказал он тихо. — Сила в том, чтобы суметь защитить тех, кто тебе дорог. Всё остальное, власть, имя, кровь, ничего не стоит, если ты не смог их уберечь.

Он замолчал, потому что в горле застрял комок, а слова прозвучали не так, как он собирался. Они были слишком честными. Слишком его собственными.

Тишина за столом стала плотной. Он невольно, сам того не желая, поднял взгляд и встретился глазами с Грейнджер.

Она смотрела на него. Не с обычной настороженностью, не с вызовом, не с холодом. Её лицо стало другим: растерянным, будто она впервые увидела что-то в нём, чего не ожидала увидеть. Она не отвела взгляд. Он тоже.

Секунда. Две.

Потом она тихо сказала, словно самой себе:

— Интересно.

Это было не «глупо» и не «лицемерно». Просто «интерес-

но». Он не знал, как относиться к такому слову в её устах, и внутри что-то глупо, по-мальчишески дрогнуло, как струна.

— Любопытный набор, — произнёс Том негромко. — Ответственность и защита.

Он смотрел на них обоих по очереди. Задумчиво, неторопливо, с лёгкой полуулыбкой, значения которой Драко не мог разгадать. Так смотрят шахматисты, когда видят на доске неожиданный ход.

Продолжили говорить о чём-то другом, об остаточной магии, о какой-то книге, о заклинании, с которым не справился один из старшекурсников. Драко ничего не помнил из этого разговора. Он сидел и чувствовал, как с каждой минутой что-то в нём меняется, смещается, ложится на новое место, и не мог остановить этого.

* * *

Они возвращались в подземелья вдвоём. Коридоры были пусты, в окнах догорал бледный закат, и камни хранили вечернюю прохладу.

— Ты не любишь, когда она рядом со мной, — сказал Том вдруг, ровно, без нажима.

Драко чуть не споткнулся. Взял себя в руки.

— Я не...

— Не надо, — мягко остановил его Том. — Я не упрекаю. Просто замечаю.

Они прошли ещё несколько шагов. Драко подбирал слова, но все они казались либо ложью, либо правдой, которую он

не готов был произнести вслух.

— Ты смотришь на неё так, — продолжил Том задумчиво, не глядя на него, — будто боишься, что она исчезнет.

Тишина. Только эхо шагов от каменных стен.

— Она иностранка, — сказал наконец Драко осторожно.
— Здесь у неё никого нет. Как и у меня. Я просто... понимаю, каково это.

Объяснение было слабым, и они оба это знали. Том чуть улыбнулся уголком рта, не став спорить.

— Понимаю, — сказал он. Голос был мягким. Слишком мягким.

Драко почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Не от слов, а от того, что за ними стояло. Том что-то решил. Он не знал, что именно. Но был уверен, что знание уже легло на невидимые весы, где у Тома лежало всё важное.

Этой ночью Драко долго лежал без сна, глядя в зелёный полог кровати. Ему слышалось, как за стеной ровно дышит Том.

Два метра, подумал он. Меньше двух.

Он знал, что проиграл правило. И понимал, что проиграл не только его.

Глава 18. Легенда

Том начал с мелочи, и именно поэтому Гермиона не заподозрила ловушки.

Они вместе вышли из класса трансфигурации, и он, как будто случайно, пошёл рядом. Коридор на втором этаже был залит ноябрьским светом, бледным и низким, и пылинки в нём висели неподвижно, как в янтаре. Том нёс её книгу. Она не помнила, чтобы просила, но не возразила: возражения в последнее время обходились ей слишком дорого.

— Ты давно знакома с Малфоем? — спросил он тем тоном, каким спрашивают о погоде.

Сердце Гермионы пропустило удар, но лицо осталось спокойным. Годы с Гарри и Роном научили её одному: когда лжёшь, главное не торопиться.

— Мы не знакомы. Просто сдавали вступительные испытания в один день.

— Вот как.

Том помолчал ровно столько, чтобы пауза стала заметной.

— Забавно. Он сегодня за завтраком сказал мне, что вы учились в одной школе. До Хогвартса.

Она почувствовала, как по спине пробежал холод. Это была ложь. Это должна была быть ложь: Драко не мог сказать ничего подобного, они никогда ни о чём не договаривались. Значит, либо Малфой в чём-то проговорился, либо

Том лжёт, чтобы проверить её.

Второй вариант был страшнее. И правдоподобнее.

— Он ошибается, — сказала она ровно. — Или шутит. С Малфоем сложно понять.

— Да, — кивнул Том и вернул ей книгу. — С ним действительно сложно.

Он улыбнулся. Улыбка была тёплой, почти дружеской. Гермиона смотрела ей вслед и понимала, что только что ответила на вопрос, о котором сама не догадывалась.

* * *

Драко в тот же вечер получил зеркальную версию.

Они сидели в гостиной Слизерина, у камина, и Том с видимым удовольствием разбирал шахматную партию, расставленную на низком столике. Драко делал вид, что следит за ходами, а на самом деле слушал огонь и своё беспокойство.

— Грейнджер как-то обмолвилась, — произнёс Том, не отрывая взгляда от доски, — что вы приплыли одним кораблём. Через Ла-Манш.

Рука Драко, державшая коня, замерла в воздухе.

— Она ошиблась, — сказал он после паузы, которая, он знал, длилась на полсекунды дольше, чем следовало.

— Наверное.

Том поставил ладью. Не поднимая головы, добавил:

— В субботу у Слизнорта, кажется, будет возможность спросить у неё лично.

Он говорил совершенно спокойно. Он не обвинял и не настаивал. Он просто ждал.

Драко понял в этот момент, что у них есть три дня.

* * *

Совой, как выяснилось, нельзя было воспользоваться. Со-вы в этом времени принадлежали школе, и каждый свёрток могли заметить. Поэтому Гермиона написала записку на клочке пергамента, сложила вчетверо и положила между страниц библиотечной книги по рунам, которую он, как она знала, брал по четвергам.

Совятня. Полночь. Один.

Подписи не было. Подпись была не нужна.

Полночь наступила и миновала ровно на две минуты, когда Драко, согнувшись под низкой аркой, вошёл на площадку наверху башни. Здесь пахло сухим помётом, холодным камнем и чем-то неожиданно тёплым: перьями. Под стропилами вздыхали сонные птицы, и тихое уханье отдавалось в камне, как дыхание огромного спящего существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.